

# ЭРИК РЮКЕР ЭДДИСОН



ЗМЕЙ  
УРОБОРОС



Мастера фантазии

Эрик Эддисон  
**Змей Уроборос**

«Издательство АСТ»

1922

УДК 821.111(73)-312.9  
ББК 84(4Вел)-44

**Эддисон Э. Р.**

Змей Уроборос / Э. Р. Эддисон — «Издательство АСТ»,  
1922 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-108752-4

Когда впервые вышел «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкина, обозреватели поняли, что его можно по праву сравнить только с одной книгой — великим фантастическим романом Э. Р. Эддисона «Змей Уроборос». Действие этого потрясающего произведения о необыкновенных приключениях разворачивается на далекой, захватывающе красивой планете, населенной лордами и королями, могучими воинами и красавицами с волосами цвета воронова крыла. Это рассказ о великой войне за власть, могучем колдовстве, героических деяниях и изощренном коварстве. Впервые на русском языке — в переводе легендарной Валерии Маториной!

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-108752-4

© Эддисон Э. Р., 1922  
© Издательство АСТ, 1922

## Содержание

От переводчика	6
Из вступительной статьи к английскому переизданию романа	7
Интродукция	10
I. Замок лорда Джасса	13
II. Поединок за Демонланд	20
III. Красный Фолиот	27
IV. колдовство в железной башне	36
V. Враг, посланный Королем Горайсом	44
VI. Когти Колдунии	48
VII. Гости Короля в Карсэ	52
VIII. Первый поход в Бесовию	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

# Эрик Рюкер Эддисон Змей Уроборос

Eric Rücker Eddison  
THE WORM OUROBOROS

*Перевод с английского В.А.М.*

Иллюстрация на переплете – *Дмитрия Андреева*

© В. А. Маторина, наследники, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

## От переводчика

Книгу можно по праву считать предшественницей и, в какой-то мере, литературным истоком «Властелина Колец» Дж. Р. Р. Толкина. В ней такая же обширная «география», масса стран, имен и названий, благородные герои совершают великие подвиги. Читатель знакомится с многовершинным Демонландом, Колдунией и другими странами, вместе с героями преодолевает горы и моря, встречается как с добрыми, так и со злыми чарами, попадает в зловещую крепость Горайса XII и в волшебную гору Коштру Белорну.

Толкин явно взял у Эддисона эпический размах повествования, построение книги (целыми блоками глав то про одни, то про другие события), манеру давать имена, деление героев на «белых» и «черных», причем, благородным могут быть присущи ошибки, а злым – вполне положительные свойства, и описываются они столь же подробно и уважительно. Можно предположить, что замок Карсэ послужил прообразом Черной Башни, где властвует король Горайс, не доведенный до абсолюта будущий Саурон. И Эддисон, и Толкин вставили в одну из сцен старика, который появляется из ниоткуда, пророчествует и исчезает. В другой сцене герои, побывав в зачарованном месте, определяют по луне, на сколько дней выбыли из обычной жизни. Главные герои обеих книг, Арагорн и Джасс, владеют даром врачевания. Чтобы держать читателя в напряжении, оба автора часто доводят события до полной безнадежности, а потом неожиданно вводят помощь извне, и все решается. В конце книги Эддисон приводит хронологию событий, и точно такую же приводит Толкин. В обеих книгах примерно одинаковое количество стихотворных вставок, отлично дополняющих сюжет, с той разницей, что Эддисон брал стихи из средневековой литературы, а Толкин писал их сам.

Если пойти дальше, то Толкин использовал музыку в начале «Сильмариллиона», борьбу мелодий добра и зла при сотворении мира. Не была ли одним из первоисточков этого музыка в Коштре Белорне у Эддисона?

Борьба добра со злом вечна, мимо этой идеи не мог пройти Толкин, и конец книги Эддисона в этом смысле логичен, хотя весьма своеобразен. Если пойти дальше, то Тем, кто любит Толкина, обязательно стоит прочитать «Змея Уробороса», не забывая при этом, что иногда сходство может быть чисто внешним (литературная школа), а различия – глубоко внутренними (разница в идеологии, обусловленная временем написания, и мера таланта).

*В.А.М., 2012 г.*

## Из вступительной статьи к английскому переизданию романа

Прошло 30 лет с тех пор, как «ЗМЕЙ УРОБОРОС» впервые вышел из печати в Англии и 26 – с тех пор, как я впервые поддался его мощным чарам. С тех пор я его несколько раз перечитывал, каждый раз находя новое подтверждение тому, что понял сразу: этот великолепный роман – шедевр, очень своеобразный, хотя, может быть, не вполне совершенный, а Эрик Эддисон – большой мастер английской прозы, несправедливо обойденный вниманием. Давно пора открыть его снова. Может быть, с переизданием книги это произойдет.

Эрик Рюкер Эддисон был преуспевающим госслужащим, а также автором нескольких мелких литературных произведений и трех замечательных романов: «Змей Уроборос», «Любовница из любовниц» и «Рыбный обед в Мемисоне» (а после его смерти в 1945 году был обнаружен большой фрагмент недописанного четвертого). Все три независимых романа отдаленно связаны одной идеей, являются частями бесконечного романтического эпоса. «Змей Уроборос» уникален в простоте своей темы: это героические приключения. В двух других книгах наличествует, кроме этого, достаточно глубокая философия. Поэтому лучше начать читать со «Змея», так легче войти в космос воображения Эддисона. А тот, кто раз насладится необыкновенным удовольствием от первой книги, наверняка захочет погрузиться в дальнейшие глубины метафизики и фантазии.

Каковы причины считать этот небезупречный шедевр (столь благородный по замыслу, богатый по охвату событий и вместе с тем не лишенный некоторых досадных огрехов) достойным серьезного изучения? Во-первых, в нем есть великолепный размах, квинтэссенция рассказа ради рассказа, что в нашем мире, который предпочитает самоанализ, стало редкостью. Во-вторых, это роскошная проза...

...Поскольку это эпический роман о воображаемом мире, Эддисон счел нужным очертить сцену и кое-что объяснить перед тем, как начинать собственно рассказ. Сделал он это неуклюже, отправив англичанина в магическом сне на планету Меркурий наблюдать за разворачивающимися там событиями. Это неудачный и отвлекающий прием. Но так как Эддисон после первых двадцати страниц забывает о своем земном наблюдателе, читатель может больше о нем не беспокоиться. На Меркурии Эддисон решил назвать представителей разных народов колдунами, демонами, гоблинами, бесами, пикси. Это тоже отвлекает, но ненадолго.

Темой этой современной Илиады становится великая война между демонами и колдунами. Такую войну так подробно еще никто не описывал. Намеки на нее можно найти у Гомера, в исландских сагах и в «Смерти короля Артура» Томаса Мэлори. Описываются битвы на море и на суше, гибельные походы и приключения, подлые измены и великие подвиги, совершаемые настоящими героями и титулованными негодяями. Сцена за сценой волнуют воображение, достигая такого уровня, что накрепко врезаются в память. Это поединок между лордом Голдри Блажко из Демонланда и жестоким королем Колдунии Горайсом XI; сражение лорда Джасса и лорда Брандока Даха с жутким чудовищем мантикорой; восхождение на сказочную гору Коштру Пивварку; преступления злобных герцогов Колдунии Корсуса и Кориниуса; предательства храброго и умного гоблина лорда Гро, обреченного неким проклятием на постоянные измены.

Эти герои и подлецы, так же как прекрасные королевы и принцессы, появляющиеся вскользь, – вовсе не прописанные до тонкостей портреты. Они все – эпические герои, как Ахилл или Роланд, колоритные, живописные, нереальные и очаровательные. Подлые колдуны порой даже более привлекательны, чем героические демоны. Их приключения играют более

важную роль, чем их взгляды, что вполне соответствует эпосу. Кроме того, Эддисон ведет рассказ в уникальном, чеканном стиле.

Проза «Змея Уробороса» не похожа ни на что, написанное позже семнадцатого столетия...

...Если бы «Змей Уроборос» был только красиво написанным славным приключенческим романом, это уже было бы большим достижением. Но дополнительный оттенок ему дает свежий ветер из иного мира с иной системой ценностей. Сам Эддисон, недолюбливавший двадцатое столетие, страстно верил в идеалы, вдохновлявшие лорда Джасса и лорда Брандока Даха, великих воинов и учтивых рыцарей. Храбрость, благородство и преданность само собой разумеются; женщины красивы, значит, им надо служить; славы добиваться стоит.

Все несложно, безоговорочно и оправдано. Эти воины могут быть язычниками или полуварварами, но им не свойственны скользкие сомнения или слезливая неуверенность. Даже подлещи у Эддисона героичны в своей монументальной подлости. Сама жизнь прекрасна и удивительна, а магические заклинания и сверхъестественные чудеса в большом количестве лишь делают ее более волнующей. Когда надо переплыть широкую реку Бхавинан на крокодиле или высидеть яйцо гиппогрифа, чтобы обрести нового Пегаса, жизнь становится славным приключением.

Мы живем в гораздо более прозаичном, но не менее опасном мире, и должны радоваться возможности побывать в многовершинном Демонланде и проникнуть в замок Карсэ, зловещую крепость короля Горайса XII в Колдунии.

Новое издание «Змея Уробороса» является в литературе событием первостепенной важности.

*Орвил Прескотт, 1962 г.*

Из баллады о Томе Рифмаче  
У Хантли реки честный Томас лежал,  
И увидел светлую деву.  
Как чудо, конь ее подскакал  
К нему под Эйлдонское древо.

В зеленой юбке была она,  
Плащ-бархат накинут небрежно,  
Полсотни бубенчиков в гриве коня  
Звенели сладко и нежно.

Честный Томас шапку со лба сорвал  
И упал перед ней на колени.  
«Привет тебе, Дева Мария, – сказал, —  
Царица небесной сени!»

«Нет, Томас, – услышал он, словно во сне, —  
Это имя совсем не мое.  
Я правлю в дивной эльфийской стране,  
И пришла к тебе из нее».

«Иди ко мне, Томас, – сказала, маня, —  
Пой и играй со мной.  
А если еще поцелуешь меня,

Навек потеряешь покой».

«Ничего не боюсь я, – Томас сказал, —  
Что б со мной ни случилось, Дева!»  
И алые губы поцеловал  
Под зеленым Эйлдонским древом.

## Интродукция

Звали его Лессингам, и жил он в Востдейле в старинном приземистом особняке в глубине старого седого сада с роскошными тисами, которые еще саженцами видели викингов в Копленде. Лилии, розы и дельфиниумы цвели у ограды, а на клумбах перед крыльцом красовались бегонии с цветами крупными, как блюдца: белыми, красными, розовыми и лимонными. По камням стен ползли вверх вьющиеся розы, жимолость, клематис и огненно-пурпурные вьюнки. Справа и слева за садом темнел густой лес, а на открытом северо-востоке виднелось вдали одинокое озеро. Горизонт замыкали горы: над четким плавным абрисом холмистой гряды высоко поднимал голову скалистый Гэйбл.

На теннисный корт уже прокрались длинные прохладные тени, воздух стал золотистым. В деревьях ворковали голуби. Два зяблика играли возле сетки, по дорожке торопилась трясогузка.

Распахнутое французское окно открывало часть столовой с панелями темного дуба и столом времен короля Якова. Поблескивало серебро, искрился хрусталь, прихотливыми цветными пятнами перекликались цветы в вазах, горы фруктов на веджвудских блюдах: сливы, персики, мускатный виноград. Лессингам полулежал в кресле-качалке, устремив взгляд сквозь дым послеобеденной сигары на розы Слава Дижона, которые свисали из окна спальни, купаясь в мягком вечернем свете.

Её рука лежала в его руке. Это был Их дом.

– Давай dokonчим главу о Ньяле? – предложила она.

И, взяв тяжелый фолиант в выцветшей зеленой обложке, начала читать:

– «Он вышел в ночь на воскресенье, когда до зимы оставалось еще девять недель; услышал он великий треск, так что подумал, что земля сотряслась вместе с небом. Тогда посмотрел он на восток, и ему показалось, что он видит там огненное кольцо, а в кольце – всадника на сером коне. Приблизился всадник и промчался мимо него так близко, что он хорошо рассмотрел и его, и коня. Пылающий факел держал всадник в руке, а сам был черен, как смоль, и громким голосом пел такие слова:

Быстроног мой конь,  
Иней на боках,  
С гривы каплет влага.  
Мощный конь – беда,  
Пламя с двух концов,  
Посреди обида.  
Как брошенный факел,  
Козни Флоси.  
Как брошенный факел —  
Козни Флоси.

И показалось ему, что всадник швырнул факел на восток в сторону гор, и пламя закрыло от него горы. А сам всадник ускакал в пламя, и не стало его видно.

После того пошел он в постель, и надолго отрешился от всего, а когда пришел в себя, то помнил все, что случилось, и поведал о том отцу. Но отец посоветовал ему рассказать обо всем Хьялти сыну Скегги. Итак, он пошел и рассказал все Хьялти, а Хьялти сказал, что было ему видение Волка-всадника, что бывает перед великими событиями...»

Некоторое время они сидели молча, потом Лессингам вдруг произнес:

– Ты не против того, чтобы мы сегодня спали в восточном крыле?

– Как, в Лotosовой Комнате?

– Да.

– Сегодня мне как-то лень, дорогой.

– Ты не будешь возражать, если я пойду туда один? Я вернусь до завтрака. Я люблю, когда ты со мной, но мы сможем отправиться вместе на исходе следующей луны. Ведь моя любимая не станет бояться?

– Нет! – сказала она, смеясь. Но глаза ее слегка расширились, а пальцы теребили его щечку от часов. И она добавила: – Лучше бы ты пошел вместе со мной когда-нибудь потом. Здесь так необычно, и Дом, и все остальное. Вдобавок, путь долог, иногда в Лotosовой Комнате можно прожить несколько лет, хотя на самом деле всего лишь до утра. Лучше пойти вместе. Если что-нибудь случится, с нами обоими будет кончено, но тогда это уже не будет иметь значения.

– С нами обоими что? – спросил Лессингам. – Боюсь, что ты не совсем правильно выразилась.

– Ты же учил меня выражаться! – возразила она, и оба рассмеялись.

Они долго просто сидели, потом тени накрыли газон и наполнили на верхушки деревьев, и высокие скалы горного отрога заалели в лучах вечернего солнца. Тогда он предложил:

– Хочешь, прогуляемся немного в сторону гор? Сегодня виден Меркурий. Он показывается сразу после заката.

Через некоторое время, стоя на открытом холме, они уже смотрели в небо, а над ними с писком кружились летучие мыши. Наконец, совсем низко на западе над полосой заката в темном небе засветилась туманная планета.

– Сегодня вечером Меркурий словно показывает на меня пальцем, Мери, – заметил Лессингам. – Я сегодня нигде не засну, кроме как в Лotosовой Комнате.

Ее рука сжала его руку.

– Меркурий? – произнесла она. – Это же другой мир. Это слишком далеко.

Но он засмеялся и ответил:

– Нет ничего слишком далекого.

Когда тени сгустились, они пошли назад. Задержавшись под аркой ворот, ведущих в сад, услышали, как из дома льются негромкие отчетливые звуки спинета. Она подняла палец.

– Слышишь? Это твоя дочь играет «Преграды».

Они постояли, прислушиваясь.

– Она любит играть, – прошептал он. – Хорошо, что мы научили ее. – И добавил, тоже шепотом: – «Тайные преграды». Интересно, что вдохновило Куперена на такое мистическое название? Только мы с тобой знаем, что оно означает на самом деле. «Тайные преграды».

В ту ночь Лессингам лежал один в Лotosовой Комнате. Ее решетчатые окна открывались на восток в сторону спящего леса и дремлющих обнаженных холмов Иллгил Хед. Сон его был спокоен и глубок, потому что это был Дом Мира, Слепополуденный Дом.

В самый глухой час ночи, когда убывающий месяц выглянул из-за горного отрога, он вдруг проснулся. Серебряный луч падал через открытое окно на маленькое существо, сидевшее в ногах на спинке кровати. Черная круглоголовая птичка с коротким клювиком и длинными острыми крылышками сверкнула яркими, как звезды, глазами и вдруг произнесла:

– Пора.

Лессингам встал, взял с кресла большой плащ, завернулся в него и сказал:

– Я готов, ласточка.

Ибо это был Дом Сокровенных Желаний.

Сияющие глаза ласточки наполнили комнату звездным светом. Комната была старая, резные узоры из лотосов украшали панели, кровать, кресла и потолочные балки. В призрачном

свете лотосы изгибались, словно покачиваясь в ленивом водном потоке. Лессингам подошел к окну, ласточка села ему на плечо. За окном, не касаясь земли, ждала колесница цвета лунного нимба, запряженная странным крылатым конем, его передние ноги были покрыты перьями и заканчивались не копытами, а когтями. Человек вошел в колесницу, и ласточка пересела к нему на колено.

Взмахнув крыльями, дикий скакун взмыл в небо. Ночь вокруг заполнилась пузырьками, подобно тем, что окружают ныряльщика в глубокой воде под гладкой скалой. Скорость поглощала время. Мир кружился. Но всего через пару мгновений невероятный скакун широко распростер крылья и спланировал на большой остров в дремлющем море, окруженный другими островами поменьше. На острове высились скалистые горы, на холмах раскинулись пастбища, и в лунном свете блестела вода в родниках, ручьях и водопадах.

Они приземлились у ворот, увенчанных изваяниями золотых львов. Лессингам сошел с колесницы, ласточка закружилась над его головой, указывая путь через ворота на тисовую аллею. Словно во сне, он последовал за птичкой.

## I. Замок лорда Джасса

*О редкостных сокровищах, радующих глаз в высоком тронном зале; о разных обстоятельствах в Демонланде и о свойствах характеров их лордов; о посольстве Короля Горайса XI, отправленном к ним, и о полученном им ответе*

Восточные звезды бледнели перед рассветом, когда Лессингам проследовал за своим проводником по заросшей травой тропе под тенистыми ирландскими тисами, стоявшими, как солдаты в карауле, в мрачном ожидании. Трава купалась в ночной росе, а воздух был отягощен душным ароматом крупных белых лилий, дремлющих под тисами. Лессингам не чувствовал земли под ногами, а когда, протянув руку, попытался дотронуться до ствола дерева, рука прошла насквозь, словно дерево было призраком в лунном свете.

Ласточка на его плече тихонько засмеялась:

– Дитя земли, не думаешь ли ты, что мы в мире грез?

Он ничего не ответил, и она продолжала:

– Это не сон. Ты первый сын человека, попавший на Меркурий, где нам предстоит долгое путешествие по морям и по суше, я покажу тебе леса и долины, древние горы, страны и дворцы, а также деяния тех, кто обитает в них. Но здесь, на Меркурии, ты не сможешь ничего пощупать, и не сможешь показаться местным обитателям, и они не услышат тебя, даже если станешь кричать до хрипоты. Мы здесь невидимы и неосязаемы, это мы здесь сновидения.

Они дошли до мраморных ступеней, ведущих на террасу замка, прошли под древним порталом, украшенным странной резьбой, сквозь массивные створы ворот, густо утыканных серебряными заклепками, и оказались во внутреннем дворе.

– Нам с тобой двери не преграда, – объяснила птичка. – Идем в высокий тронный зал, там немного подождем. Утро уже тронуло поднебесье, скоро в замке зашевелится народ, ибо здесь, в Демонланде, просыпаются, как только настает день. И знай, землянин, что это и есть Демонланд, а замок принадлежит лорду Джассу, и сейчас наступает день его рождения, когда демоны собираются на большой праздник, поздравляют его и оказывают почести его братьям, Спитфайру и Голдри Блажко. Эти высокородные лорды, наследуя своих отцов, с незапамятных времен правят всеми демонами в Демонланде.

Птичка договорила, и первые горизонтальные лучи солнца, как копья, ударили в восточные окна, и утренняя свежесть задышала в высоком зале, прогоняя смутные синие тени уходящей ночи из углов и ниш, и поднимаясь к балкам сводчатых потолков. И уж верно, ни один земной властитель, ни великий Крез, ни Минос в критском дворце, ни фараоны, ни царица Семирамида, и никто из царей Вавилона и Ниневии не владел столь роскошным тронным залом, какой был у лордов Демонланда. Стены и колонны были из белоснежного мрамора, в прожилках которого сверкали мелкие дорогие камни: рубины, кораллы, гранаты и розовые топазы. Семь колонн с каждой стороны поддерживали купол крыши. Опоры и перекладины под куполом были из золота с узорами, сам купол – из перламутра. У восточной стены за колоннами шла галерея, и было семь больших окон, а в западной галерее на стене висели семь больших картин. В конце зала на возвышении стояли три трона, с подлокотниками в форме золотых гиппогрифов, а спинка каждого представляла собой один огромный драгоценный камень. У левого трона это был черный опал, сверкающий серо-синим огнем, у среднего – опал огненный, как горящий уголь, а у правого – александрит, ночью пурпурный, как вино, а днем сине-зеленый, как море. За тронами стояли полукругом еще десять колонн, поддерживающих золотой полог. По бокам зала во всю его длину тянулись скамьи из кедра, инкрустированного кораллом и слоновой костью, а перед скамьями – столы. Пол зала был выложен мозаичными плитами из мрамора и зеленого турмалина, и на каждом квадрате турмалина красовались резные изоб-

ражения рыб, дельфинов, угрей, зубаток, осетров, тунцов, осьминогов и прочих необыкновенных морских тварей. За тронами висели гобелены, затканые цветами, змеиными головами, драконами и прочими дивными рисунками. На подставках под окнами красовались изваяния животных, птиц и ползучих гадов.

Но самым удивительным было то, что капители всех колонн представляли собой совершенно живые фигуры волшебных созданий, чудищ и великанов, вырезанные вручную давними скульпторами из цельных драгоценных камней. Среди них была гарпия из охристого янтаря с разинутым в крике ртом, только вопля слышно не было; летящий дракон из винно-желтого топаза; рубиновый василиск; циклоп из звездного сапфира цвета луны, в чьем единственном глазу дрожал луч звезды; саламандры, русалки, химеры, лесные дикари, левиафаны – все из драгоценных камней чистой воды размером втрое больше крупного человека. Трудно было глаз оторвать от темных бархатистых сапфиров, светящихся хризолитов, бериллов, аметистов и прозрачно-золотистых цирконов.

Свет исходил от семи крупных кристаллов, размером с тыкву, висевших по центру вдоль зала, и девяти светлых лунных камней, стоявших на серебряных подставках между колоннами на возвышении за тронном. Днем эти камни впитывали солнечный свет, а в темные часы отдавали его розовым свечением и лунным блеском. Еще одно чудо – нижний край полога над тронном, инкрустированный лазуритом, и в нем, как в подобии небесного купола, все двенадцать знаков Зодиака, где каждая звезда – настоящий алмаз, горящий собственным сиянием.

Замок стал наполняться народом. Сначала в тронном зале появилось два десятка слуг с метлами, щетками и войлоком, чтобы все подмести, натереть и отполировать. Стройные, гибкие, проворные, с чистой кожей и светлыми волосами, слегка прикрывавшими рожки, они быстро все сделали и удалились, и в зал начали сходить гости. Поражало радостное смешение красок и блеск одежд в движении: всюду бархат, меха, шитье, необыкновенные ткани, тончайший флер, кружева, воланы, массивные золотые цепи и ожерелья. Сверкали драгоценности и оружие, покачивались пышные перья над рогами. Некоторые гости рассаживались по скамьям или стоя облокачивались о столы, другие расхаживали по отполированному полу. Среди них были женщины, такие красивые, что хотелось сказать: вот эта, наверное, белорукая Елена; а эта – Аталанта из Аркадии; там Фрина, с которой Пракситель ваял Афродиту; а вон там Таис, из-за которой Александр зажег Персеполис, как свечку; а вон ту Бог Мрака мог похитить из цветущих садов Энны и сделать навсегда царицей мертвых.

У роскошной внутренней двери народ зашевелился, чтобы дать дорогу богато одетому дородному демону с высоким лбом и благородной осанкой. Он был краснолиц и слегка веснушчат, синие, как море, глаза смотрели спокойно, густая рыжеватая борода была разделена надвое и зачесана в стороны и кверху.

– Скажи мне, ласточка, – спросил Лессингам, – это лорд Джасс?

– Это не лорд Джасс, – ответила ласточка, – и он менее почитаем. Ты видишь Волла из-под Картадзы, что у соленого моря. Он славный капитан, верно служит Демонланду и совершил великие подвиги ради своей страны и всего мира в войне с вампирами. Теперь снова обрати взгляд к двери. Там в кругу друзей стоит высокий сутуловатый муж в серебряных латах и тускло-золотом расшитом плаще. Он слегка похож на Волла, но смугл и с колючими усами.

– Вижу, – сказал Лессингам. – Так это лорд Джасс?

– Нет, – объяснила ласточка. – Это всего лишь Визз, брат Волла. Но он самый богатый из всех демонов, не считая трех царственных братьев и лорда Брандока Даха.

– А это кто? – спросил Лессингам, указывая на демона со смеющимися глазами и легкой походкой, который в этот момент встретился с Воллом и заговорил с ним. Он был силен и красив, длинный острый нос его не портил. Чувствовалось, что он любит жизнь и умеет ей радоваться.

– Ты видишь лорда Зигга, прославленного укротителя коней, – ответила птичка. – Он всеми любим, потому что всегда весел, к тому же он могуч, и нет равных его всадникам, когда они скачут на врага.

Волл вздернул бороду и расхохотался, видимо, оценив шутку Зигга, которую тот прошептал ему на ухо, а Лессингам потянулся в зал, надеясь понять разговор. Слова терялись в общем гуле голосов, но Лессингам увидел, как на мгновение раздвинулись тканые занавеси за возвышением, и мимо тронов в зал прошел некто с царственной осанкой. Он двигался плавно, как проснувшийся хищник, и с ленивой грацией отвечал на приветствия. Он был очень высок, но тонок в талии, как девушка. Шелковую тунику цвета дикой розы украшали вышитые золотом цветы и молнии. На левой руке сверкали драгоценные кольца, на запястьях золотые браслеты, золотистые кудри обвивал обруч с перьями райской птицы. Рога были выкрашены шафраном и отделаны золотой филигранью. Поблескивала золотая шнуровка на сапогах. У пояса висел узкий острый меч с эфесом, усыпанным бериллами и черными алмазами. У него была удивительно стройная и изящная фигура, но при взгляде на него возникало ощущение дремлющей силы, подобно той, что таится в горе под белоснежной вершиной, нежащейся в лучах рассвета. Лицо было красиво, с нежным румянцем, выражение чуть надменно и слегка меланхолично, но в глазах иногда загорались огненные искры, и у рта под выющимися усами появлялась решительная складка.

– Наконец, – пробормотал Лессингам. – Наконец-то лорд Джасс!

– Ты не так уж сильно ошибся, – заметила ласточка. – Ибо редко видел более благородных особ. Но это не Джасс, а лорд Брандок Дах, кому присягал весь Демонланд на запад от Шалгрета и Стропардона. Он владелец богатейших виноградников Кротринга, пастбищ Файлза, всех западных островов и скальных крепостей на них. Не думай, что раз он любит шелка и драгоценности, как королева, и держится изящно, словно серебристая береза на склоне, то у него легкая рука и не хватает храбрости в битвах. Он много лет считался третьим бойцом на всем Меркурии, наряду с Голдри Блакко и Горайсом Десятым из Колдунии. А теперь разве только Голдри превзойдет его в бою, после того как девять лет назад он одержал победу над Горайсом в поединке, когда колдуны совершили налет на гоблинов, и Брандок Дах повел пятьсот и восемьдесят демонов на помощь их королю Гасларку.

Раздалась буйная и сладкая музыка, гости повернулись к возвышению, занавеси раздвинулись, и ласточка произнесла:

– Наконец, является триумвират Демонланда! Тише, музыка; улыбайтесь, норны, в сей праздничный день! Да воссияет радость и покой во всем мире и в Демонланде! Сначала обрати взор на того, кто царственно шествует в середине, он в оливково-зеленой бархатной тунике с тайными знаками, вышитыми золотом и хризолитовыми бусинами. Заметь, как облегающие сапоги на сильных икрах сверкают золотом и янтарем. Обрати внимание на сумеречный плащ, пронизанный золотыми нитями и подбитый кроваво-красным шелком. Его сшили сильфы в забытые дни, он приносит удачу, если его носит храбрец с верным сердцем. А теперь смотри, на ком он. Видишь смуглое лицо, фиолетовый огонь в глазах, приглушенное тепло улыбки, представь осенний лес под солнцем. Вот лорд Джасс, хозяин этого древнего замка, почитаемый всеми в Демонланде. Он владеет неким волшебством, но не пользуется магией, ибо она выпивает жизнь и силу, и считается, что демоны должны полагаться не на чары, а на собственные силы.

Теперь обрати внимание на того, кто опирается на левую руку Джасса. Он ниже ростом, но, может быть, даже сильнее. Черный шелк его одежды искрится золотом при движении, волосы светлые, а головной убор между рогов украшен черными орлиными перьями. Лицом он суров, как морской орел, и взгляд умных глаз из-под густых бровей пронзает, словно копьем. Кажется, что из широких ноздрей время от времени вырывается бледное пламя. Это лорд Спитфайр, в бою стремительный.

Наконец, посмотри, кто выступает справа от Джасса. Этот лорд могуч, как Геракл, но идет мирно, словно теленок, и ступает легко. Мышцы и жилы играют у него под кожей, а кожа бела, как слоновая кость. Плащ из золотой ткани густо усыпан драгоценными камнями, узор из сердец на тунике из черного сендалина вышит алым шелком и отделан рубинами. На перевязи висит двуручный меч, рукоять которого венчает большой звездный рубин, вырезанный в форме сердца, ибо сердце – его символ. Меч ковали эльфы, и этим мечом лорд убил морское чудовище, как можно увидеть на одной из картин на стене. Благородной внешностью он подобен Джассу, но волосы у него темнее, цвет лица ярче, и скулы выступают резче. Рассмотрите его как следует, ибо нет лучшего бойца, чем лорд Голдри Блажко, полководец Демонланда.

Отзвучали приветствия, в последний раз вздохнули струны лютней, и их звон рассеялся под потолком, виночерпии наполнили выдержанным вином большие чаши из цельных драгоценных камней. Демоны покатали к лорду Джассу глубокие тележки с дарами в честь дня его рождения, а после поздравлений парами и по трое начали разбредаться по паркам, наслаждаться видом садовых растений, любоваться рыбами в прудах, играть в метательные игры и теннис. Некоторые увлекались военными упражнениями и верховой ездой, некоторые собирались на охоту в холмы. Светлое время отводилось на удовольствия, а вечером все должны были снова собраться в высоком зале, развлекаться за едой и питьем, как полагается в такой день.

Еще не все разошлись, как вдруг трижды резко пропела труба.

– Кто нам портит праздник? – возмутился Спитфайр. – Так трубят, извещая о пришельцах из-за границы. Костями чувствую, что какой-то негодяй явился в Гейлинг с камнем за пазухой и намерением бросить тень на солнце в наш великий день!

– Ни слова о дурных намерениях, – откликнулся Джасс. – Кто бы там ни был, мы быстро решим его дело и вернемся к развлечениям. Кто-нибудь, бегите к воротам и приведите гостя.

Побежал слуга, и так же бегом вернулся, докладывая:

– Милорд, там посол из Колдунии и его свита. Их корабль причалил в гавани Лукинг вчера на закате. Ночь они провели на борту, а утром твои воины сопроводили их в Гейлинг. Посол требует немедленной аудиенции.

– Ах, из Колдунии! – воскликнул Джасс. – Без дыма огня не бывает.

– Может, попросим посла подождать, пока мы веселимся? – предложил Спитфайр. – Жаль лишаться радости из-за чужого раба.

Голдри рассмеялся и произнес:

– Интересно, кого нам прислали? Думаете, это Лаксус снова ищет примирения, после того как сыграл грязную шутку с нами в Картадзе, нарушив свое слово?

Джасс обратился к слуге:

– Ты видел посла. Кто он?

– Его лицо мне не знакомо, милорд, – ответил слуга. – Он маленького роста, и, с вашего разрешения, я не видел никого менее похожего на знатного лорда-колдуна. На нем богатые и пышные одежды, но он кажется фальшивым камнем в ценной оправе.

– Ладно, – сказал Джасс. – Кислое питье от ожидания не становится слаще. Позовем посла.

Лорд Джасс сел на средний трон на возвышении, Голдри занял трон с черным опалом по правую руку от него, а слева на трон с александритом сел Спитфайр. Рядом с ними на возвышении расположились другие лорды Демонланда, а многие гости меньших рангов сели на скамьи и встали у полированных столов. Бесшумно распахнулись широкие двери на серебряных навесах, и посол напыщенно и церемонно прошагал по сверкающему полу из мрамора и турмалина, припадая на одну ногу.

– Что это за карла? – прошептал лорд Голдри на ухо брату. – У него волосатые руки до колен, и он ковыляет, как хромой осел.

– Мне не нравится его грязная морда, – заметил лорд Зигг. – У него нос, как ком глины, и через ноздри можно заглянуть в мозги. Верхняя губа выдает редкого болтуна. Будь его рот на палец шире, ее можно было бы затыкать за воротник, чтобы прикрывать подбородок зимними ночами.

– Мне не нравится запах от него, – сказал лорд Брандок Дах и послал за курильницами и распылителями лавандовой и розовой воды, а также приказал открыть хрустальные окна и впустить прохладную свежесть поднебесного ветра.

Итак, посол прошел по блестящему полу и встал перед лордами Демонланда, сидевшими на тронах с золотыми гиппогрифами. На нем была длинная пурпурная мантия, подбитая горностаем, с крабами, мокрицами и сороконожками, вышитыми золотой нитью. Голову прикрывала черная бархатная шапочка с приколотым серебряной брошью павлиньим пером. Поддерживаемый своими пажами и сопровождающими, он оперся на золотой посох и хриплым голосом провозгласил:

– Джасс, Голдри, Спитфайр, и вы, прочие демоны, я пришел к вам как Посол Горайса Одиннадцатого, славнейшего Короля Колдунии, Великого герцога Бутении и Эстремерина, командующего Шуланом, Трамной, Мингосом и Пермио, верховного правителя Эсамосийских болот, герцога Трейса, верховного владыки Бештрии, принца Ара, правителя Оджедии, Малтраэны, Болтари и Торибии, правителя многих других земель, славнейшего и величайшего, чья власть и слава известна во всем мире и чье имя переживет все поколения. Прежде всего прошу вас уважать мою неприкосновенность королевского Посла, признаваемую всеми народами и монархами, кроме совершенно варварских.

– Говори и не бойся, – ответил Джасс. – Я клянусь, а клятва не отменяется, кому бы ни была дана, будь то колдун или иной варвар.

Посол сложил губы буквой «О» и с угрозой потряс головой, потом усмехнулся, обнажив острые кривые зубы, и продолжал:

– Вот что сказал Король Горайс, великий и прославленный, давая мне поручение донести его слова до тебя, не убавляя и не добавляя ни единого слова: «Считаю я, что до сих пор церемония принесения присяги на верность Мне ни разу не проводилась в моей провинции Демонланде...»

По залу пронесся ропот, будто внезапный порыв ветра прокатил по каменному полу сухие листья. Лорд Спитфайр, не сдерживая гнева, вскочил, схватился за рукоять меча, словно собираясь напасть на посла, и вскричал:

– Провинции? Разве демоны не свободный народ? Можно ли стерпеть наглость Колдунии, приславшей раба оскорблять нас в лицо в нашем собственном замке?

В зале зашумели, некоторые встали. Посол втянул голову в плечи, как черепаха, заморгал и оскалил зубы. Но лорд Брандок Дах, мягко положив руку на плечо Спитфайра, произнес:

– Посол еще не все сказал, брат, а ты его напугал. Имей терпение, не стоит портить комедию. У нас хватит слов, чтобы ответить Королю Горайсу. Слов, а не мечей. Пусть не говорят, что Демонланду достаточно наглого намека, чтобы мы забыли о древней учтивости по отношению к послам и герольдам.

Лорд Брандок Дах говорил спокойным насмешливым тоном, словно лениво отбивая мяч в игре, но при этом так, чтобы все слышали. После того как ропот в зале стих, заговорил Спитфайр:

– Я смиряюсь. Говори дальше, и знай, что не ты ответишь за то, что скажешь, а тот, кто тебя послал.

– Я лишь ничтожные уста, – слегка набравшись смелости, продолжил посол. – У того, кто меня послал, невзирая на почтение к вам, хватит власти и силы отомстить за любое надругательство над его слугами. Вот что сказал Король: «Я призываю вас, Джасс, Спитфайр и Голдри Блажко, и приказываю вам поспешить в Колдунию и прибыть в мою крепость Карсэ,

дабы всенародно покорно облобызывать пальцы моих ног в знак того, что я ваш Повелитель и Король, Верховный правитель всего Демонланда».

Лорд Джасс выслушал посла хмуро и без единого жеста, опираясь спиной о спинку трона и положив руки на выгнутые шеи гиппогрифов. Голдри, насмешливо ухмыляясь, поигрывал рукоятью длинного меча. Спитфайр сидел скованно, сдерживая гнев, из его ноздрей готовы были полететь искры.

– Ты все сказал? – спросил Джасс.

– Все, – ответил посланец.

– Ты получишь ответ, – сказал Джасс. – Пока мы держим совет, ешь и пей.

И он знаком приказал виночерпию налить послу светлого вина. Но посланец отказался, уверяя, что он не хочет пить, и что на корабле у него достаточно еды и питья для него и всех сопровождающих. Тогда лорд Спитфайр сказал:

– Не удивительно, что отродье колдунов боится отравы. У тех, кто привык совершать подлости по отношению к своим врагам, как свидетельствует убийство Корсусом последнего владыки страны гоблинов при помощи отравленного питья, всегда дрожат колени от страха, что с ними поступят так же.

Он выхватил чашу у виночерпия, осушил ее единым духом и швырнул на мраморный пол к ногам посла, так что она разлетелась вдребезги.

После этого лорды Демонланда встали и вышли за цветные занавеси в смежный покой, обдумать свой ответ на послание Короля Колдунии Горайса.

Когда они остались одни, первым заговорил Спитфайр.

– Можно ли стерпеть позор и насмешки, с которыми король обратился к нам? Разве не мог сын Корунда или Корсуса быть назначен послом, чтобы передать нам его вызов? Вместо этого он прислал самого грязного из своей прислуги, косноязычного карлу, годного лишь на то, чтобы молотить языком, пока они до полусмерти пьяны сами?

Лорд Джасс презрительно усмехнулся и произнес:

– Колдуния мудро и предусмотрительно выбрала время двинуться на нас, зная, что тридцать три наших лучших корабля затоплены в проливе под Картадзой в сражении с вампирами, и у нас осталось только четырнадцать. Вампиры побеждены и полностью уничтожены, великое проклятие снято, и гибель мира предотвращена благодаря мечам и доблести сынов Демонланда. Нашим ложным друзьям момент для нападения на нас кажется удачным. У колдунов ведь есть сильный флот, который они не потеряли, отступив и предоставив нам решительно сразиться с вампирами. Теперь они намерены предательски напасть, использовав это свое преимущество. Король правильно рассудил, что мы сейчас не можем послать войска в Колдунию, строительство нового флота займет много месяцев. Он, без сомнения, собрал войско на судах в Тенемосе, чтобы отплыть оттуда, как только получит от нас ответ, которого ждет.

– Значит, можно сидеть спокойно и точить мечи, – сказал Голдри. – Пусть он переправляет войска через соленое море. Ни один колдун не высадится в Демонланде, они оставят здесь кровь и кости для удобрения наших полей и виноградников.

– Наверное, лучше перехватить негодяя, – сказал Спитфайр, – и сегодня же отправиться в море на оставшихся четырнадцати кораблях. Колдунов можно застать врасплох в крепости Карсэ, осадить ее и отдать их на растерзание воронам-падальщикам. Пусть оценят скорость нашего ответа. Вот мой совет.

– Нет, – сказал лорд Джасс. – Мы не застанем Горайса спящим. Будьте уверены, его корабли в морях Колдунии готовы к любому внезапному нападению. Неумно совать шею в петлю. Ожидая врагов здесь, Демонланд тоже славы не добудет. Вот мой план. Вызовем Горайса на поединок и предложим ему надеяться на удачу.

– План хорош, – отозвался Голдри. – Но как его выполнить? Он побоится выступить в поединке против тебя, да и против любого из нас. Но надо предложить. Ведь Горайс прослав-

ленный поединщик, в его дворце в Карсэ хранятся черепа и кости девяносто девяти могучих бойцов, которых он победил и убил своими руками. Он безмерно тщеславен, и говорят, что очень досадует оттого, что так долго не находится никого, кто бы сразился с ним, и чей череп стал бы у него сотым. Мне он проиграет!

Такой план всем показался удачным. Лорды Демонланда подробно обсудили его, и с легким сердцем вернулись в высокий тронный зал. Здесь первым взял слово лорд Джасс.

– Демоны! – сказал он. – Вы все слышали, какие слова король Колдунии в безмерном тщеславии своем и бесстыдстве вложил в уста своего посла. Наш ответ даст мой брат, Голдри Блажко. Мы требуем, о посол, чтобы ты передал его точно, не добавляя ни одного слова, и не убирая.

Тут лорд Голдри встал и произнес:

– Мы, лорды Демонланда, выражаем глубокое презрение к тебе, Горайс Одиннадцатый, как к великому трусу, который подло бежал, покинув нас, своих союзников, в морской битве с вампирами. Наши мечи, покончившие в той битве со страшной угрозой всему миру, не согнулись и не затупились. Новыми ножами им послужат твои кишки, а также внутренности твоих приспешников, Корсуса и Корунда, и их сыновей, и Кориниуса, и всех злодеев, чьи корабли стоят в гаванях Колдунии, прежде чем тебе подчинится хотя бы розовый мох на утесах Демонланда. Но если ты захочешь, то можешь сначала испытать свою силу. Я, лорд Голдри Блажко, делаю тебе предложение: сойдемся один на один в поединке из трех раундов при дворе Красного Фолиота, который в этой ссоре не стоит ни на твоей стороне, ни на моей. Мы поклянемся страшной клятвой, что если я тебя одолею, демоны навсегда оставят тебя и Колдунию в покое, и ты забудешь о нас, и колдуны навсегда откажутся от наглых притязаний на Демонланд. А если ты, Горайс, одержишь победу, то насладишься своей славой и будешь вправе взять у нас оружием все, на что позаришься.

Так сказал Голдри Блажко, гордо выпрямившись во всем великолепии под звездным пологом и так грозно смотря на посла из Колдунии, что тот смутился и сдвинул колени. Голдри призвал писца, и послание Королю Горайсу было написано большими буквами на свитке пергамента, запечатано печатями лордов Демонланда и отдано послу.

Посол взял ответ и быстро направился к выходу, но в дверях, отдалившись от лордов Демонланда и оказавшись в кругу своей свиты, слегка собрался с духом, повернулся и сказал:

– Слишком необдуманно ты вознамерился получить согласие нашего Повелителя на поединок с тобой, о Голдри Блажко, это станет твоей гибелью. Как бы могуч ты ни был, он побеждал сильнейших. Драться он будет не ради забавы, а с целью лишить тебя жизни и добавить твои кости к костям девяносто девяти побежденных ранее.

После этого под грозными взглядами Голдри и других лордов и под крики гостей в зале, позорящие колдунов, посол поспешно вышел под небо, пробежал через двор, словно за ним гналась буря, и его схватят. Он боялся так, что запутался в собственном бархатном плаще, расшитом крабами и ползучими гадами, и плащ задрался выше колен. Раздался взрыв смеха и новые крики демонов:

– Видели? Уста у него лживые, а хвост настоящий! Ай да Горайс, прислал с посольством обезьяну!

С выкриками и неучтивыми возгласами толпа проводила посла от замка Гейлинг до самого причала. Там он взошел на борт крепкого дракара, и корабль на веслах доплыл до гавани Лукинг. Обогнув акваторию гавани, дракар поднял паруса и при попутном ветре поплыл на восток по глубокому морю в Колдунию.

## II. Поединок за Демонланд

*О предсказании, встревожившем лорда Гро, которое касалось поединка короля Колдунии с лордом Голдри Блажко; как они встретились, и чем поединок кончился*

– Как я мог заснуть? – вскричал Лессингам. – Где замок демонов, и как мы покинули большой тронный зал, где принимали посла?

Ибо теперь он стоял на холмистой равнине, опускающейся к морю. Здесь не росло ни единого дерева, а с трех сторон внизу под солнцем искрилась вода. Свежий соленый ветер гнал бесчисленные облака в безграничном небе.

– Мой гиппогриф преодолевает не только расстояния, но и время, – объяснила черная ласточка. – Во мгновение ока прошло много дней и не одна неделя. Ты стоишь на одном из островов Фолиота, это мирная земля, где правит добрый принц, и настал день, назначенный для поединка Короля Горайса с лордом Голдри Блажко. Схватка таких могучих бойцов будет ужасна, и конец ее неясен. В глубине души я боюсь за Голдри Блажко. Он сильный и непобедимый воин. Но века не помнят поединщика, который бы сравнился с этим Горайсом, он не просто силен, упорен, ловок и искусен в нападении и защите, он жесток и беспощаден, как змей.

Там, где они стояли, холм разрезала глубокая лощина, по которой можно было спуститься к морю, и над ней стоял дворец Красного Фолиота, из нескольких невысоких строений, с множеством башенок и парапетов с бойницами. Дворец строился из камня, добытого тут же в лощине, так что трудно было различить, где стена, а где естественная скала. За дворцом простирался луг с большим плоским участком, покрытым коротким пружинистым дерном. С двух сторон луга стояли шатры, с одной стороны для колдунов, с другой для демонов. Участок в середине луга был размечен ивовыми прутьями на 60 шагов в обе стороны.

Луг был пуст, если не считать парящих птиц и ветра, лишь возле шатров для колдунов собралось шесть бойцов в полном вооружении. На них были сверкающие бронзовые кольчуги с нарукавниками, бронзовые наколенники и шлемы. Щиты тоже блестели на солнце. Пятеро казались совсем молодыми, у старшего из них, чернобрового, с крепким подбородком, только начала расти борода. Но шестой был на полголовы выше ростом, мощный, как бык, с окладистой бородой до пояса и пробивающейся сединой. Пояс его был утыкан железными шипами. Но голос и глаза его выдавали молодой задор, двигался он легко и без усилий играл толстым копьём.

– Смотри, удивляйся и скорби, – сказала ласточка. – Ясный день вынужден видеть детей вечной ночи. Это Корунд из Колдунии и его проклятые сыновья.

Лессингам подумал, что его ласточка слишком прямолинейный политик, для нее существуют только две противоположности: ангелы и проклятые враги. Про себя он решил не плясать ни под чью дудку, а понаблюдать, как развернутся события.

Шестеро прохаживались взад-вперед возле своих шатров, как львы в клетке, потом Корунд остановился, оперся о копьё и сказал одному из сыновей:

– Иди найди Гро, я буду говорить с ним.

Сын Корунда ушел и вскоре вернулся с лордом Гро, который хоть и подошел почти крадучись, но выглядел вполне достойно. Руки у него были тонкие, нос серповидный, а глаза ясные, большие, как у быка, и такие же непроницаемые. Он был бледнолиц, худ и строен, его длинная черная борода была аккуратно завита и блестела, как шерсть ретривера.

Корунд спросил:

– Как там Король?

– Раздражен, – ответил Гро. – Чтобы убить время, он играет в кости с Кориниусом, а в игре удача ему изменяет.

– Что ты обо всем этом думаешь? – поинтересовался Корунд.

И ответил Гро:

– Удача в игре в кости не обязательно сопутствует военной удаче.

Корунд что-то проворчал себе в бороду, потом положил руку на плечо лорда Гро.

– Поговори со мной без свидетелей, – сказал он, отводя Гро в сторону. – Не скрывай то, что знаешь, от меня и моих сыновей. Последние четыре года мы были, как братья, неужели сейчас ты станешь таиться от нас?

Гро грустно улыбнулся и сказал:

– Стоит ли, облекая в слова дурное предзнаменование, наносить еще один удар, когда дерево и так шатается?

Корунд застонал.

– Предзнаменования, – проговорил он. – Их все больше с тех пор, как Король принял вызов, не считаясь с твоим и моим мнением и советами всех великих в стране. Наверное, боги сделали его одержимым, предопределив его поражение и унижение перед демонами, – и добавил: – Знаки множатся. Во-первых, ворон летал вокруг дворца против солнца, когда Король принимал вызов демонов, а мы все тогда объелись на пиру и перепили вина. Во-вторых, Король споткнулся, входя на полуют корабля, который вез нас к этим островам. Далее, косоглазый виночерпий вчера облил нас вином. И все время Король выказывает дьявольское упрямство и только и делает, что похваляется. Нет, он одержим. И в кости ему не везет.

Тут заговорил Гро.

– О Корунд, я не скрою от тебя, что у меня так же тяжело на сердце, его прикрывает тень будущих несчастий. Когда я заснул под бой часов, тень ночи встала у моего ложа и посмотрела на меня так злобно, что я пришел в ужас и задрожал. Мне показалось, что мой сон разбил полог над ложем, крыша раздвинулась и открыла тьму, а в ней проплывала бородастая звезда и было много огненных знаков. На крыше появилась кровь, потоки крови потекли по стенам и на спинку моего ложа. Закричала сова: «Колдуния из руки твоей, Король!» Потом весь мир осветился, я заорал и проснулся.

– Ты мудр, – сказал Корунд. – Похоже, что твой сон вещий, посланный тебе через врата войны, и похоже, что он предвещает великие и зловещие события для Короля и всей Колдунии.

– Не открывай тайного другим, – сказал Гро, – потому что никому не дано победить, сражаясь с роком. Нельзя заранее повергать их в уныние. Надо достойно встречать неудачи. Если (да не допустят боги) поединок кончится бедой, прежде чем что-нибудь предпринимать, вы должны держать совет со мной. «Спина не прикрыта, если за ней не стоит брат». Нам следует все делать вместе.

– Будь уверен во мне, – сказал Корунд.

Тут из дворца вышла большая толпа и расположилась по обеим сторонам площадки для поединка. Эбеновая колесница, запряженная шестеркой черных лошадей с волнистыми гривами и хвостами, доставила Красного Фолиота. Перед колесницей бежали музыканты, дудочники и менестрели, а позади пятьдесят копейщиков в доспехах и с большими щитами, достигающими от плеч до ног. Их доспехи были подкрашены мареной, так что казались запятнанными кровью. Красный Фолиот выглядел почти кротко, но царственно. Кожа его была алой, как макушка зеленого дятла. На голове красовалась серебряная диадема, на плечах – алая мантия с опушкой из черного меха.

Когда все фолиоты собрались, один из них по команде Красного Фолиота выступил вперед и три раза протрубил в рог. Из шатров Демонланда вышли три лорда, Джасс, Голдри, Спитфайр, а также Брандок Дах, со своими оруженосцами и воинами, в полном боевом вооружении. Без оружия шел только Голдри, завернувшись в золототканый плащ с узором из сердец, вышитым красным шелком. В свою очередь из противоположных шатров вышли лорды Колдунии и Король Горайс в сопровождении воинов в полном вооружении. Не было приязни во взглядах,

которыми обменивались противники. Горайс вышагивал в плаще, как и Голдри. Его плащ из черного шелка был подбит черным медвежьим мехом и расшит крабами в алмазных коронах. Низко на лбу Короля сидела тяжелая железная корона Колдунии, в форме уродливого краба, так густо усыпанного драгоценностями, что под ними не было видно железа. Король был без усов, с коротко стриженными волосами и черной бородой, торчащей, как лопата. Рот он изогнул в презрительной ухмылке, из теней под нависшими бровями смотрели зеленоватые глаза, светящиеся, как у волка. По левую руку от Короля шел гигант Корунд, всего на дюйм ниже его, по правую – Кориниус в богатом небесно-голубом плаще поверх сверкающих лат. Кориниус был высок, молод, гладко выбрит и по-солдатски привлекателен, с грубоватыми чертами лица, дерзким взглядом и полными губами. Шел он, покачивая плечами.

Красный Фолиот снова затрубил в рог и, стоя в своей эбеновой колеснице, зачитал условия поединка:

– О Горайс Одиннадцатый, славнейший Король Колдунии, и ты, о Голдри Блажко, полководец Демонланда, сие есть поединок между вами, подтвержденный крепкими клятвами, а я, Красный Фолиот, подтверждаю, что вам предстоят три раунда, и если победит Король Горайс, то завоюет славу и возобладает многовершинным Демонландом; но если победа достанется лорду Голдри Блажко, то колдуны оставят демонов в покое, и демоны их не тронут, но колдуны должны будут навечно отказаться от притязаний на владычество над демонами. Оба вы, и ты, о Король, и ты, о Голдри Блажко, обязаны драться честно и подчиняться мне, кого вы в согласии избрали судьей. Я же клянусь судить вас честно. По законам поединка нельзя душить противника руками, кусать его, наносить удары кулаками, царапать, выдавливать глаза, или производить иные неподобающие действия. Борьба должна быть вольной, и если один боец повергнет другого на землю бедром или плечом, ему присваивается победа.

Красный Фолиот спросил:

– Я верно говорю, о Король, и клянешься ли ты биться по правилам?

– Клянусь, – сказал Король.

Красный Фолиот обратился к его противнику:

– Клянешься ли ты биться на этих условиях, о лорд Голдри Блажко?

И Голдри ответил:

– Клянусь.

Без лишних слов Король вступил в огороженный участок со своей стороны, а Голдри Блажко со своей, они сбросили богатые плащи и остались обнаженными для боя. Народ замер от восхищения при виде могучих мышц этих двоих, и трудно было решить, кто из них может победить. Король был чуть выше, и руки его были чуть длиннее, чем у Голдри. Но Голдри был сложен, как бог, из двоих он казался крепче, и шея его была мощнее.

Король принялся насмехаться над Голдри, говоря:

– Ты взбунтовавшийся пес, мне подобает показать тебе, и этим фолиотам, и демонам, свидетелям нашей встречи, что я Король Колдунии не потому только, что ношу корону, которую только что отложил на час, а и потому, что превосхожу тебя мощью своего тела. Довольствуйся тем, что я окончательно разделаюсь с тобой лишь после того, как лишу тебя жизни и отправлю бестелесную душу в неизведанное. Твои кости и череп я заберу в свой дворец в Карсэ, как символ сотой победы над великими бойцами, из которых ты не последний. А потом я буду пировать, пить и веселиться в королевском дворце в Карсэ, и лишь после этого соберу войско и поплыву через море в многовершинный Демонланд. Я вытру об него ноги, и демоны станут моими рабами и рабами моих рабов.

Но лорд Голдри Блажко лишь негромко рассмеялся и сказал, обратившись к Красному Фолиоту:

– О Красный Фолиот, я прибыл сюда не препираться с Королем Колдунии пустыми словами, а потягаться силой, один на один.

Они приготовились, Красный Фолиот сделал знак рукой, и звон цимбал обозначил начало первого раунда.

Противники сошлись и обхватили друг друга сильными руками, правой за левый бок, а левой за правое плечо. Плоть проминалась под захватом, словно их руки были из бронзы. Так они стояли, покачиваясь, как мощные дубы под бурей, крепко уперев ноги в землю. Ни один не уступил противнику, захваты оказались равными. Они долго качались, тяжело дыша, наконец, Голдри собрал силы и слегка приподнял Короля над землей, намереваясь развернуть его и бросить об землю. Но Король, почувствовав, что отрывается, резко наклонился вперед, занес ногу и ударил Голдри пяткой по ноге над щиколоткой, так что Голдри пришлось ослабить захват. Зрители поразились, как он в этом положении сумел устоять и не упасть. Они снова сцепились, на спинах и плечах у них появились красные пятна. Король внезапно повернулся боком, захватил ногой ногу Голдри с внутренней стороны бедра под большой мышцей, притянул противника к себе и навалился на него, пытаясь повалить на спину. Но Голдри сумел резко выпрямиться и так яростно бросился вперед, еще усилив захват, что прием Короля не удался, и они оба, как были, сцепившись, с глухим ударом упали на землю набок и пролежали в ошеломлении ровно столько времени, за которое можно было досчитать до семи.

Красный Фолиот объявил их равными в этом раунде, и они отправились каждый к своим соратникам перевести дух и слегка отдохнуть.

Пока они отдыхали, со стороны шатров Колдунии вдруг прилетела летучая мышь, бесшумно облетела против солнца площадку для боя, и вернулась туда, откуда появилась. Лорд Гро ее заметил, и сердце у него упало. Он обратился к Корунду и сказал:

– Хотя уже слишком поздно, я должен все равно попытаться любыми средствами отговорить Короля от дальнейшего риска, иначе все пропало.

Но Корунд сказал:

– Действуй, как хочешь, но это напрасно.

Итак, Гро предстал перед Королем и произнес:

– Повелитель, прекрати поединок. Этот демон выше и сильнее всех, кого ты побеждал до сих пор. Мы все ясно видели, что именно ты его повалил, а не он тебя, а Красный Фолиот неверно признал вас равными, потому что твое величество тоже оказалось на земле. Не испытывай судьбу. Считай, что в поединке победа твоя. Мы, твои слуги, подождем, а тебе стоит только кивнуть, и мы внезапно нападём на демонов и уьём их, их легко одолеть неожиданно. Что же касается фолиотов, они мирные, как овцы, после расправы с демонами их можно держать в страхе. И ты уедешь отсюда, о Король, в радости и великой чести, а потом мы отправимся в Демонланд и покорим его.

Король недовольно посмотрел на лорда Гро и сказал:

– Твой совет неприемлем и неуместен. Что стоит за ним?

Гро ответил:

– Было три предвестия, о Король.

И спросил Король:

– Что за предвестия?

На это Гро ответил:

– Не стану скрывать от тебя, о мой Король, что однажды в самый темный час мне явился во сне призрак ночи и посмотрел на меня так злобно, что у меня волосы на голове стали дыбом, и я побледнел от ужаса. Сон разбил полог над моим ложем, крыша раздвинулась, и открылось черное небо с огненными знаками, и в полночном мраке пролетела бородастая звезда. Я увидел кровь на потолке и стенах. Потом мой сон закричал совой: «Колдуния из руки твоей, о Король!». Я заорал и проснулся в холодном поту.

Но Король в гневе сверкнул глазами на лорда Гро и произнес:

– Нечего сказать, верно служат мне интриганы вроде тебя, хитрый лис! Тебе не подходит, что я совершаю этот подвиг собственноручно, и ослепнув от безумной дерзости, ты являешься ко мне со сказками, которыми пугают детей, упрасывая меня отказаться от моей славы, чтобы ты и твои приспешники прославились в мире оружием.

Гро сказал:

– Повелитель, это не так.

Но Король не стал его больше слушать, а произнес:

– Мне кажется, что верные подданные должны искать величия в славе своего Короля, а не пытаться светить собственным светом. Что же касается этого демона, твои слова о том, что я одолел его, есть наглая ложь. В этом раунде я лишь примерялся к нему. Теперь я точно знаю, что если я приложу всю свою мощь, он не сможет противостоять мне, и все вы скоро увидите, что я сломаю и раздроблю кости этого Голдри Блажко так же легко, как ломают стебель дягиля. Что же до тебя, лживый друг, хитрый лис, слуга-предатель, я давно устал наблюдать, как ты крадешься по моему дворцу, занимаясь темными делами, о которых я не знаю. Ты не из колдунов, ты ссыльный гоблин, которого я пригрел на груди себе на беду. Но я положу этому конец. Когда я разделаюсь с этим Голдри Блажко, у меня будет время на досуге разделаться с тобой.

Гро в великой печали поклонился, уступая гневу Короля, и отступил.

Рог возвестил второй раунд, и бойцы снова вступили на площадку. Под звон цимбал Король прыгнул на Голдри, как барс, и сдвинул его к краю площадки. Их занесло почти в толпу демонов, наблюдавших бой. Голдри перекачнулся влево, пытаясь, как в прошлый раз, приподнять Короля над землей, но Король парировал прием и навалился на противника всем весом, так что хребет Голдри чуть не сломался под убийственной силой рук противника. Потом Голдри Блажко показал великую силу, толкнув Короля вправо, а затем влево могучими мышцами груди. Захват Короля ослаб, и все его мастерство еле спасло его от падения. Голдри, не ожидая следующего выпада противника, молниеносно ослабил свой захват, нырнул спиной под живот Короля и мощным движением подбросил его в воздух. Зрители, затаив дыхание, ожидали, что Король перелетит через голову Голдри, но лорд не смог полностью оторвать его от земли. Это у него не вышло даже с третьей попытки, и Король сумел ухватиться крепче. На четвертой попытке Голдри поднять Короля и швырнуть его через себя головой вперед Король толкнул его сзади, и Голдри оказался на четвереньках. А Король прижался к его спине, обхватил под мышками и завел руки снизу через плечи, намереваясь сомкнуть захват сзади у противника на шее.

Тогда Корунд сказал:

– Демон уже выдохся. Этот захват Короля погубил более шести десятков знаменитых бойцов. Но он не спешит сомкнуть пальцы на шее проклятого демона и нагнуть его голову так, чтобы позвонки разлетелись.

– Он не спешит, а я не могу чувствовать себя спокойно, – заметил Гро.

Король тяжело дышал и постанывал от натуги, пытаясь свести пальцы на шее Голдри. В этот час Голдри спасла от гибели толщина шеи и мощная грудь. В положении на четвереньках он не мог ни освободиться от захвата Короля, ни захватить его в свой черед. А Король, как ни старался, не смог закрепить свой захват. Когда он понял, что его усилия напрасны, то сказал:

– Сейчас я ослаблю хватку, и мы снова встанем лицом к лицу. Недостойно ползать на коленях.

Они встали и некоторое время боролись молча. Потом Король снова предпринял попытку завалить лорда, как в первом раунде, внезапно прижавшись к противнику левым боком и ногой захватывая ногу, одновременно налегая на него всем весом. И, как раньше, Голдри с великой силой рванулся вперед, усиливая захват. Король пошатнулся, навалился на него, и, озверев от того, что его в первый раз подвел проверенный прием, сунул пальцы в нос Голдри и стал драть

нежную плоть в ноздрях, так что Голдри не смог откинуть голову назад. Тогда Король еще тяжелее налег на него и швырнул на спину, а сам сел сверху, пригвождая его к земле.

Красный Фолиот объявил Короля Горайса победителем в этом раунде.

Король вернулся к своим колдунам, которые громко славили его превосходство над Голдри. Обратившись к лорду Гро, король произнес:

– Как я и говорил. Сначала проверка, потом синяки, в конце враг разбит.

Король смотрел на Гро со злостью, но Гро не возразил ни словом, потому что его возмутила кровь на пальцах и ногтях левой руки Короля, и он понял, что в этом раунде Королю не удалось превзойти противника, и он прибег к зверскому приему, ибо иначе не смог бы повалить демона.

А когда лорд Голдри Блажко смог подняться, то в великом гневе подошел к Красному Фолиоту и громко сказал:

– Этот дьявол взял верх хитрым и постыдным способом, загнав когти мне в нос.

Сыновья Корунда заорали на Голдри, называя его лжецом и негодяем, и все колдуны возмущенно закричали. Но Голдри громким трубным голосом прекрикнул их:

– О Красный Фолиот, теперь суди наш поединок справедливо. Ты ведь поклялся. Пусть покажет свои ногти, и ты увидишь, есть ли на них кровь. Последний бросок был нечестным, и я заявляю, что этот раунд нельзя засчитывать.

Красный Фолиот частично видел, что произошло, и был намерен не засчитывать раунд, но побоялся Короля Горайса, который смотрел на него взглядом василиска, явно угрожая. А теперь, под крики колдунов и демонов, он совсем растерялся и не мог решить, что безопаснее: спасти свою честь или поддаться Королю Горайсу. Тем временем Король сказал пару слов Кориниусу, который прямо подошел к Красному Фолиоту и стал угрожать ему, говоря:

– Страшись идти на поводу у демонов. Ты справедливо присудил победу в этом раунде нашему повелителю Королю. Болтовня о пальцах в носу лишь предлог, большое воображение этого Голдри Блажко. Он был брошен на землю на глазах у тебя и всех нас, он понял, что не в состоянии выстоять против нашего Короля, жульничает и думает, что с важным видом избежит поражения. Если, не веря Королю на слово, отвергая свидетельство присутствующих здесь колдунов и отрицая то, что ты сам видел, ты будешь упорствовать в пользу этих демонов, то вспомни, что Король уже победил девяносто девять великих противников. Этот станет сотым. И еще вспомни, что доплыть к тебе морем из Колдунии можно на много дней быстрее, чем до Демонланда. У тебя не хватит силы выстоять под карающими мечами Колдунии, если ты пойдешь против нас и будешь судить в пользу наших врагов.

Так говорил Кориниус, и Красный Фолиот струсил. В душе он верил Голдри, понимал, что Король нарушил правила, и демон справедливо его обвиняет, но из страха перед Горайсом и угрозами стоящего рядом Кориниуса не посмел высказаться и приказал трубить в рог, объявляя третий раунд.

И стало так, что при звуке рога летучая мышь снова вылетела из-за шатров колдунов, бесшумно облетела против солнца площадку для боя и скрылась.

Когда лорд Голдри Блажко понял, что Красный Фолиот не принял во внимание его обвинения, кровь бросилась ему в лицо, оно сделалось красным. Страшно было смотреть, как нарастает его ярость и глаза сверкают, словно грозные звезды в полночь. Охваченный гневом, он заскрипел зубами, и пена показалась изо рта. Звон цимбал возвестил начало раунда. Одержимый одной мыслью, Голдри с ревом бросился на Короля, схватил его одной рукой за правое запястье, а другой за ту же руку у плеча, и прежде чем Горайс успел шевельнуться, развернулся к нему спиной и с невероятной силой, к которой прибавилась сила его гнева, бросил Короля через голову, направляя его, как массивное копьё, головой вперед. Король ударился о землю головой, его позвоночник вмялся в череп, кости треснули, из ушей и из носа хлынула кровь. От такого броска ярость Голдри испарилась, и силы его покинули. Он выпрямился, качаясь, и

его братья, Джасс и Спитфайр, поддерживая с обеих сторон, увели его с площадки, обернув могучее тело золототканым плащом с красными сердцами.

Колдуны пришли в отчаяние, увидев, как их Король был внезапно захвачен и брошен оземь, и теперь лежал бесформенной грудой, как сломанный и раздробленный стебель болиголова. В великом волнении Красный Фолиот сошел со своей эбеновой колесницы и поспешил к павшему Королю. Туда же подошли пораженные в самое сердце лорды Колдунии. Корунд поднял Короля на руки, но Король Горайс был мертв. Сыновья Корунда сделали из копий носилки, уложили на них Короля, накрыли его черным шелковым плащом, подбитым медвежьим мехом, надели на него корону Колдунии и молча понесли к своим шатрам. Остальные лорды Колдунии так же молча последовали за носилками.

### III. Красный Фолиот

*О приеме, устроенном для колдунов во дворце Красного Фолиота; о кознях и хитростях лорда Гро; и как колдуны отплыли ночью с островов Фолиота*

Красный Фолиот вернулся в свой дворец, воссел на трон и послал за лордами Колдунии и Демонланда. Они приняли приглашение и незамедлительно явились. Их усадили на длинные скамьи, колдунов с восточной стороны, а демонов с западной. За ними встали их воины. В зале было сумрачно, через высокие окна светило заходящее солнце, бросая отблески на полированные латы и оружие колдунов.

Красный Фолиот обратился к ним и сказал:

– Сегодня великий боец был повержен на землю в честном и равном поединке. Согласно торжественной клятве, которой вы связаны, и которой я свидетель, кончается всякая вражда между Колдунией и Демонландом. Вы, колдуны, должны навсегда отречься от притязаний на управление Демонландом. Чтобы закрепить священное соглашение между вами, я предлагаю вам всем присоединиться ко мне сегодня на торжественном пиршестве, подтвердить дружбу, забыть ссоры, помянуть Короля Горайса Одиннадцатого, самого могучего и почитаемого правителя, и после этого мирно отбыть в родные страны.

Так сказал Красный Фолиот, и лорды Колдунии согласились с ним. Но лорд Джасс выступил со следующей речью:

– О Красный Фолиот! Ты хорошо сказал о клятвах, данных нами друг другу. Мы ни на йоту не отступим от данных обещаний, и колдуны могут отныне вечно пребывать в мире, если они, конечно, не вынашивают новых замыслов против нас, вопреки здравому смыслу, ибо по природе колдуны, как блохи, могут напасть в ночи. Но сейчас мы не станем есть и пить с лордами Колдунии, которые предали и покинули своих союзников в морском бою против вампиров. И мы не будем участвовать в поминках Короля Горайса Одиннадцатого, который использовал подлый трюк против моего родича в сегодняшнем поединке.

Так сказал лорд Джасс, и Корунд прошептал на ухо Гро:

– Мы недостойны этого уважаемого общества, как раз пора напасть на них.

На что Гро ответил:

– Прошу, имей терпение. Это было бы сверхопасно, потому что удача сейчас отвернулась от Колдунии. Лучше ночью захватим их в постелях.

Напрасно Красный Фолиот пытался заставить демонов изменить свое решение. Они учтиво поблагодарили его за гостеприимство, сказали, что они хорошо повеселятся ночью в шатрах, а утром сядут на острогрудые корабли и поплывут по бестревожному морю в Демонланд.

Лорд Джасс поднялся, за ним встал лорд Голдри Блажко, который уже был в боевых доспехах, в рогатом золотом шлеме, в золотой кольчуге, украшенной рубиновыми сердцами, и с двуручным мечом, выкованным эльфами, которым он некогда убил морское чудище. Поднялся лорд Спитфайр, взглянув на лордов Колдунии, как сокол смотрит на добычу; встал и лорд Брандок Дах, поглаживая пальцами драгоценные камни на рукояти меча и глядя прямо на Кориниуса. Под его насмешливо-презрительным взглядом Кориниус заерзал и попытался ответить таким же взглядом, но, несмотря на богатые одежды и старания держаться достойно, в сравнении с демоном он казался обыкновенным грубияном. Вот так лорды Демонланда со своими воинами вышли из зала.

\* \* \*

Красный Фолиот отправил вслед за ними слуг, которые отнесли в их шатры большое количество вина и вкусных изысканных блюд. Туда были посланы музыканты и менестрель, дабы развлекать их песнями и историями о давних временах, чтобы не почувствовали они неудовольствия.

Колдунам и прочим гостям были поданы массивные серебряные чаши, и в зал внесли большие кувшины с двумя ручками, в каждый входило по два бочонка вина. Красный Фолиот предложил сначала выпить за колдунов и за фолиотов, потом они выпили поминальную чашу за Короля Горайса XI, павшего в этот день от руки Голдри Блажко. Когда их чаши оказались снова до краев наполнены пенящимся вином, Красный Фолиот обратился к собравшимся и сказал:

– О лорды Колдунии, вы мне позволите исполнить поминальную песнь в честь Короля Горайса, которого сегодня забрал темный жнец?

Когда они все дружно сказали «да», он призвал гобоиста и музыканта с теорбой, и приказал им играть печальную мелодию. Они тихо заиграли, словно зазвучала эолова арфа.казалось, что ветер плачет в нагих ветвях в безлунную ночь. Красный Фолиот наклонился вперед на высоком троне и заговорил речитативом:

Счастлив ты был и в радости жил,  
А нынче жизнь утекла из жил.  
Смертную слабость ты познал, —  
*Ужас смерти меня объял.*

Радость – тщета, и слава – тщета.  
Мир – преходящая суета,  
Плоть не вечна, и срок наш мал, —  
*Ужас смерти меня объял.*

Судьбы смертных изменчивы, брат.  
То здоров ты, то болен, то грустен, то рад.  
Страдаешь, а только что танцевал, —  
*Ужас смерти меня объял.*

Недаром есть поговорка в народе:  
«Так земная слава уходит».  
В мире огромном я слаб и мал, —  
*Ужас смерти меня объял.*

Косит кончина своей секирой  
Принцев, жрецов и сильных мира.  
Был ты богат, а нищим упал, —  
*Ужас смерти меня объял.*

Падают воины в жарких битвах,  
Шлем или щит уже не защита,  
Ты победил, но не устоял, —  
*Ужас смерти меня объял.*

Смерти жестокой не избежать.  
Оба погибнут, ребенок и мать.  
Будь, как дитя, ты невинен и мал, —  
*Ужас смерти меня объял.*

Равно заберет и крестьянина с пашни,  
И полководца с высокой башни,  
Леди – красу, что выше похвал, —  
*Ужас смерти меня объял.*

Лорд не спасется, спасая добро,  
И летописец уронит перо,  
Никто воли рока не избежал, —  
*Ужас смерти меня объял.*

Магам, астрологам, логикам, судьям,  
Риторам то же самое будет.  
Вечности тайну никто не узнал, —  
*Ужас смерти меня объял.*

Лишь лекаря ее уважают,  
Смерти добычу они доставляют.  
Но смертен хирург и простой коновал, —  
*Ужас смерти меня объял.*

На этом месте куплеты Красного Фолиота были грубо прерваны перепалкой между Кориниусом и одним из сыновей Корунда. Кориниус, который ломаного гроша не дал бы за музыку и песни, но очень любил игру в карты и кости, вынул коробочку с костями и принялся играть с сыном Корунда. Сначала Кориниусу везло, он при каждом броске выигрывал, а кошелек его соперника становился все легче. На одиннадцатой строфе сын Корунда заорал, что кости Кориниуса утяжелены, и ударил его же коробочкой по бритой челюсти, обозвав жуликом и паршивым негодяем. В ответ Кориниус извлек кинжал и попытался ударить обидчика в шею, но кто-то встал между ними, и с большим трудом и руганью их разняли. Кости оказались не фальшивыми, сыну Корунда пришлось извиниться, и они опять сели за игру.

Лордам Колдунии снова налили вина, и Красный Фолиот осушил большую чашу за их страну и будущих правителей, а потом приказал:

– Пусть придет моя кагу и станцует для нас, а потом пусть нас порадуют другие танцоры. Ибо для нас, фолиотов, нет услады приятней, чем красивый танец. Мы равно любим торжественную павану на фоне закатных облаков; грациозную аллеманду; фанданго, с переходом от мечтательной прелести в стремительные и страстные движения вакханок на горных полянах под летней луной, выглядывающей из-за сосен; нам так же мил веселый вихрь гальярды и джиги. Не мешкайте, зовите кагу, пусть станцует!

И кагу поспешила явиться в сумрачный зал. Она сначала двигалась медленно, изящной походкой, слегка покачиваясь, вытянув шею, и в легком волнении сделала несколько движений в стороны, застенчиво распахнув огромные прекрасные глаза цвета жидкого золота, нагретого докрасна. Она напоминала цаплю, но была полнее, с более короткими ногами и более коротким и толстым клювом. Ее бледно-серое оперение было таким нежным, что трудно было сказать, перья это или волосы. Духовые инструменты, лютни и цымбалы заиграли куранту, и кагу

легко понеслась по залу меж столов, иногда подпрыгивая и кланяясь, идеально выдерживая ритм музыки. Приближаясь к возвышению, где сидел Красный Фолиот, наслаждаясь ее танцем, она удлиняла шаги и плавно скользила в его сторону. Постепенно выпрямляясь, она медленно открывала клюв и изгибала шею, так что клюв ложился на грудь, а перья расправляла так, что они напоминали кринолин. Хохолок на ее головке встал прямо, оказавшись вполовину выше, чем она сама, и она величественно подплывала к возвышению во всей красе, прежде чем сделать новый круг по залу. Куранта всем понравилась, гости весело улыбались. Танец кончился, Красный Фолиот призвал кагу к себе, усадил рядом на табурет, гладил мягкие серые перышки и всячески ласкал ее, а она застенчиво сидела рядом, удивленно глядя рубиновыми глазами на колдунов.

Затем Красный Фолиот призвал лемуров, и они встали перед ним. У них были рыжие, как у лис, спинки и черные животы, круглые пушистые мордочки, наивные янтарные глаза, мягкие лапы и длинные хвосты в бурую и кремовую полоску. Красный Фолиот сказал:

– О лемуры, нам нравятся ваши танцы, не станцуете ли вы для нас?

Они спросили:

– Лорд, изволите ли вы, чтобы мы сплясали джигу?

И он ответил:

– Джигу, если вам угодно.

Струнные инструменты заиграли быструю мелодию, вступили тамбурины и треугольники, отбивая ритм, и в веселом танце замелькали лапы лемуров. Скоро весь зал захватила радость бурной музыки и танца, колдуны заорали и захлопали. Вдруг музыка смолкла, танцоры встали в шеренгу, поставив лапу на лапу, и поклонились. Красный Фолиот подозвал их, расцеловал в мордочки и пригласил сесть, чтобы они смогли отдохнуть и полюбоваться следующими танцами.

Потом Красный Фолиот пригласил белых, как лунный свет, павлинов. Они должны были начать павану. Они развернули великолепные хвосты и с величавой грацией словно поплыли по залу под изысканную и благородную музыку. К ним присоединились золотые фазаны с пышными воротниками, серебряные фазаны, страусы и дрофы, которые гордо выступали вперед, вытягивая носки, и отступали, кланяясь, в такт с торжественной мелодией паваны. Вступили все инструменты: лютни, цимбалы, теорбы, волынки и гобои; флейты переливчато пересвистывались, как птицы в полете; серебряные трубы и горны выводили таинственные мелодии, которые проникали в самое сердце; барабаны звали в бой, трепетно вибрировали арфы, бряцали цимбалы. Рядом с Красным Фолиотом выводил страстные трели соловей, и сердца раскрывались, погружаясь в дивную красоту звуков и созерцая плавный танец.

Лорд Гро прикрыл лицо краем плаща и заплакал под звуки божественной паваны, вспомнив давние счастливые дни своей юности в Гоблинланде, до того как вступил в заговор против короля Гасларка и был выслан со своей милой родины в болотистую Колдунию.

После паваны Красный Фолиот приказал играть гальярду. Под веселую мелодию струнных инструментов в зал вкатились, подскакивая, две толстых сони. Музыка становилась все более бурной, и сони подскакивали все выше, пока не стали доставать до потолочных балок, с которых снова спрыгивали на пол. Присутствующие фолиоты присоединились к исполнителям гальярды, прыгали, дурачились и кружились, захваченные общим весельем. В зал на легких копытцах вбежали шестеро козлят и принялись скакать и дурачиться под музыку, пока колдуны не охрипли от поощрительных криков и подпевания музыкантам. Сони подскакивали так высоко и перебирали лапками так быстро, что невозможно было уследить за их движениями.

Одного лорда Гро веселый танец не радовал. Он сидел в печали с темными мыслями, общее веселье действовало на него, как солнечный свет на ночную сову. Так что он оживился, когда заметил, как Красный Фолиот встал с трона и вышел через закрытую шпалерами дверь. Гальярда была в самом разгаре, в зале раздавались взрывы смеха, а Гро тихо встал с места

и вышел в вечернюю тишину, в безветрие, под синее небо, окрашенное с запада оранжевым закатом, переходящим в пурпур. Единственным звуком было бормотание бессонного моря, единственным движением – взмахи крыльев последних улетающих на ночлег птиц. По каменному гребню над ложиной Гро прошел на запад до обрыва и остановился на меловом утесе над морем, где обнаружил Красного Фолиота, который стоял одиноко и молча, устремив взгляд на гаснущие закатные краски.

Некоторое время они оба молча стояли над морем, потом Гро произнес:

– Как день покидает нас, умирая в дальней обители заката, так слава покидает Колдунию. Красный Фолиот не ответил, пребывая в глубокой задумчивости.

Гро заговорил снова:

– Демонланд лежит в той стороне отсюда, где заходит солнце, но всходит оно на востоке от Колдунии. Оттуда надо смотреть на завтрашний рассвет, ибо пройдет немного времени, и восстанет сила, честь и слава Колдунии, под чьим гибельным мечом полягут ее враги, как трава под серпом.

Красный Фолиот сказал:

– Я люблю мир и тихую прелесть вечерней прохлады. Оставь меня, а если желаешь остаться, не нарушай очарования.

– О Красный Фолиот, – ответил ему Гро. – Неужели ты в самом деле любишь мир? Тогда возрождение Колдунии станет музыкой твоему сердцу, потому что мы, колдуны, тоже любим мир и не затеваем вражды, это делают демоны. Война с вампирами, в которой сотряслись четыре стороны света, была затеяна Демонландом.

– Ты сейчас, вопреки собственным намерениям, воздал демонам великую хвалу, – сказал Красный Фолиот. – Ибо кто как не эти выродки-вампиры, жил в диком разврате, людоедствовал и проявлял такую чудовищную бесчеловечность? Кто через каждые пять лет с незапамятных времен объявлял критический год, последний из которых, прошлый, был отмечен немислимыми зверствами? Если они еще где-то поднимают паруса, то лишь на Темных озерах, не оскверняя земных морей и рек. Слава демонам, подавившим их навечно.

– Этого я сомнению не подвергаю, – сказал лорд Гро. – Но пожар можно погасить как чистой, так и грязной водой. Мы, колдуны, против нашей воли присоединились к демонам в той войне, предвидя (как доказало тогдашнее кровопролитие), что демоны возгордятся и пожелают стать всемирными повелителями и тиранами.

– В дни своей юности, – возразил Красный Фолиот, – ты был подданным короля Гасларка. Ты родился гоблином и был воспитан его сводным братом, ел его хлеб. Почему я должен слушать тебя, кто изменил такому хорошему королю? Чье вероломство народ тогда открыто осуждал (как я сам хорошо видел прошлой осенью, когда ездил в город Заджэ Закуло на праздник по случаю обручения племянницы короля принцессы Армеллины с лордом Голдри Блажко). По улицам носили непристойные рисунки, изображающие тебя, и пели:

Ах, как жаль,  
Наш умник ничем не доволен.  
Отбросив совесть,  
К измене склониться волен.  
Дар его —  
Изворотливость без чести,  
А храбрость – ложь,  
С подлостью вместе!

Гро слегка поморщился и сказал:

– Такое искусство отражает настроение и положение сочинителей. Я не думаю, что такой благородный принц, как ты, пойдет на поводу у толпы, где пристрастна и зависть, и ненависть. Гнусное обвинение в предательстве я отвергаю и плюю на него. А правда то, что, не стремясь завоевать доброе мнение у женщин и дураков, я иду за своей путеводной звездой. Но, как бы там ни было, я пришел не обсуждать с тобой столь ничтожный предмет, как я сам. Я скажу тебе со всей печальной серьезностью: не успокаивайся на мысли, что демоны оставят мир в покое, это очень далеко от их намерений. Они не стали слушать твоих уверений и не сели за пир с нами, значит, они замышляют недоброе против нас. Ведь что сказал Джасс? «Колдуны, как блохи». Да, как блохи, которых ему хочется раздавить ногтем. О, если ты любишь мир, перед тобой откроется краткий путь к исполнению желаний.

На это Красный Фолиот ничего не ответил, продолжая вглядываться в отсвет заката под темнеющим небом, на котором рождались звезды.

Гро продолжал тихо, словно кот мурлыкал:

– Когда не помогает мягкое убеждение, искусная срочная операция приносит быстрейший результат. Можешь предоставить это мне.

Но Красный Фолиот сердито посмотрел на него и произнес:

– Какое мне дело до твоей вражды? Ты поклялся хранить мир, и я не потерплю, чтобы ты нарушал клятвы в моем мирном королевстве.

Гро сказал:

– Клятвы даются в душе, и тот, кто нарушает их во внешних обстоятельствах, на самом деле не нарушитель, ибо их уже попрал и презрел противник.

Но снова возразил Красный Фолиот:

– Какое мне дело до твоей вражды, которая вцепилась в твои уши, как бойцовый пес? Я пока не понимаю, почему тот, у кого чистые руки, кто в душе прав и не держит зла, должен быть втянут в смертоубийство и ссоры, такие, как между вами и демонами.

Лорд Гро пристально посмотрел на него и сказал:

– Ты думаешь, что для тебя еще остался прямой путь без ущерба для обеих сторон? Если такова твоя цель, то надо было хорошо подумать, прежде чем судить второй раунд. Потому что нам и твоим подданным, и всем демонам ясно, как день, что в том раунде Король применил подлый прием, а ты громко присудил ему победу. Ты этим словом протрубил, что ты друг ему и враг Демонланда. Разве ты не заметил, какой змеиный взгляд бросил на тебя лорд Джасс, покидая зал? Он отказался есть и пить не только с нами. Его не будет мучить совесть, когда он вознамерится уничтожить тебя. Они именно этого хотят, в этом нет сомнения.

Красный Фолиот опустил голову на грудь и некоторое время стоял молча. Их накрыла тень смерти, а в ночном небе над погасшим пожаром заката, словно цветы в безграничном поле, расцветали звезды и созвездия: Арктур, Спика, Близнецы, Малый Пес, Возничий и его три спутника.

Красный Фолиот произнес:

– Колдуния лежит у моего порога. Но Демонланд – как я выдержу ссору с ним?

И сказал Гро:

– Завтра солнце опять взойдет над Колдунией.

Некоторое время они не говорили ни слова. Потом лорд Гро вынул из-за пазухи свиток и сказал:

– Урожай в этом мире собирают решительные, а тот, кто колеблется, оказывается между жерновами. Ты уже не можешь повернуть назад. Демоны с презрением пнут тебя, и колдуны тоже. Сейчас прочный мир может быть достигнут только утверждением Горайса на троне Демонланда и полным усмирением демонов под пятой Колдунии.

– Но разве Горайс не убит? – спросил Красный Фолиот. – Разве мы не пили на его поминках? Он ведь второй из этой династии, погибший от рук демона.

– Горайс Двенадцатый в этот самый момент вступает на трон в Карсэ, – ответил Гро. – О Красный Фолиот, знай, что я читаю ход планет и вижу скрытые силы в паутине судеб. Поэтому мне ведомо, что двенадцатым Королем по линии Горайса в Карсэ станет самый искусный маг, коварный и вероломный, который силой чар и мечей Колдунии получит наивысшую власть. Неотвратно, как молния небесная, поразит его гнев врагов его.

Тут Гро наклонился, поднял с земли светляка, ласково попросил его посветить, подышал на него, поднес к свитку пергамента и обратился к Фолиоту:

– Поставь свое царственное имя под этими пунктами. От тебя совсем не требуется принимать участие в военных действиях, но ты должен (в случае, если будет война) быть на нашей стороне и против демонов, которые втайне угрожают твоей жизни.

Но Красный Фолиот все еще колебался и сказал:

– Как мне узнать, что ты не лжешь?

Тогда Гро вынул из сумки письмо с печатью, похожей на печать лорда Джасса, которое гласило: «Воллу, со всей любовью и доверием, дабы он не преминул, поплывя в Колдунию, направить все или часть кораблей к островам Фолиота и ворваться в дом Красного Фолиота. Ибо если мы не выдадим жизнь из этих червей, вечный позор упадет на нас». И добавил Гро:

– Это у них украл мой слуга, когда они беседовали с тобой вечером в твоём зале.

Этому Красный Фолиот поверил, достал из-за пояса тушницу и перо, и поставил под пунктами на пергаменте свою подпись.

Лорд Гро спрятал пергамент на груди и сказал:

– Срочная операция. Надо застать их в постелях сегодня же ночью. Тогда завтра мы принесем победу и славу Колдунии, чья слава сегодня затмилась, а также мир и покой всему миру.

Но Красный Фолиот сказал на это:

– Достойный лорд Гро. Я подписал эти пункты, и значит, стал связан с тобой в ненависти к Демонланду. Но я не предаю гостей, с которыми ел соль, даже если меня убедили, что они мои враги. Знай, что я расставил ночную стражу возле твоих шатров и шатров демонов, чтобы никаких враждебных действий между вами не произошло. Так я поступил, и на этом стою. Вы разойдетесь завтра утром в мире, как и прибыли. Ибо я твой друг, а то, что я подписал, означает, что я встану на твою сторону, когда начнется война между Колдунией и Демонландом. Но я не потерплю ночной резни и убийств на моих островах.

При этих словах Красного Фолиота лорд Гро почувствовал, что до сих пор он шел по тропе, усыпанной цветами, а последний его шаг привел к обрыву, и он теперь стоит на краю и не может перейти на другую сторону. Но в лукавстве своем он не показал разочарования, а ответил:

– Правильно и мудро ты рассудил, о Красный Фолиот, ибо верно говорят: «Достойному негоже оступаться, за правду надо смерти не бояться». То, что посеяно в ночи, раскрывается при свете дня, а то завянет, не успев вырасти. Я тебе другого и не посоветовал бы, но в самом деле боюсь этих демонов и всеми силами стремлюсь обернуть их заговор нам на пользу. Попрошу тебя лишь об одном. Ведь если они последуют за нами по пятам, когда мы поднимем паруса при отплытии домой, они смогут догнать нас в пути, ибо у них быстрый корабль. Если же они отплывут раньше, они смогут намного опередить нас и дождаться в открытом море. Сделай так, чтобы мы отплыли сегодня ночью, а их задержи под каким-нибудь предлогом всего на три дня, чтобы мы сумели добраться домой к тому времени, как они покинут твои острова.

– В этом я тебе не откажу, – ответил Красный Фолиот. – Потому что это не противоречит справедливости и моей чести. Сегодня ночью я приду к вашим шатрам и отведу вас к вашему кораблю.

Когда Гро вернулся к шатрам колдунов, он обнаружил там стражу, как предупреждал Красный Фолиот, и у шатров демонов тоже была расставлена стража. Он вошел в королевский

шатер, где на носилках из копий лежал Король Горайс, облаченный в королевские одежды поверх черных доспехов, инкрустированных золотом, и в короне Колдунии. Две свечи горели в изголовье Короля Горайса, и две – в изножье. Пламя свечей колебалось под ночным ветром, который задувал в щели, и тени плясали на полу и под пологом. На скамьях вдоль стен сидели мрачные лорды Колдунии, чье опьянение уже улетучилось. Они зло взглянули на входящего лорда Гро, и Кориниус встал и произнес:

– Вот пришел Гро, виновник и творец наших несчастий. Убьем его.

Гро не согнул головы, а устремил взгляд на Кориниуса и сказал:

– Мы в Колдунии еще не сошли с ума, лорд Кориниус, чтобы доставлять радость демонам, вцепляясь друг другу в глотки, как волки. Пусть Колдуния моя приемная родина, но я не меньше вашего потрудился, чтобы отвести от нее угрозу гибели на выбранном нами пути. Если вы обвиняете меня, дайте мне выслушать вас и ответить.

Кориниус зло засмеялся.

– Что толковать с дураком! Мы не младенцы-молокососы. За кого ты нас принимаешь? Ясно, как день, что ты помешал нам напасть на демонов, когда мы могли это сделать, дав дурацкий совет неизвестно зачем сделать это ночью! Вот тебе ночь, и мы пленники в своих шатрах, и нет никакой возможности напасть, не потревожив осиное гнездо фолиотов и не переполошив демонов и всех живущих на этих островах. Зачем тебе понадобилось тайно ускользнуть от нас и договариваться с Красным Фолиотом? Ты зарвался, и теперь мы тебя убьем и положим конец твоим интригам.

С этими словами Кориниус вскочил и обнажил меч. Засверкали мечи других колдунов. Но лорд Гро глазом не моргнул, только произнес:

– Сначала выслушайте меня, перед нами целая ночь, а убить меня недолго.

Тут во весь громадный рост поднялся лорд Корунд, встал между Гро и Кориниусом и громовым голосом воскликнул:

– Кто направит на него оружие, сначала будет иметь дело со мной, даже если это окажется один из моих сыновей. Выслушаем его. Если он не обелит себя, разрубим его на куски.

Все сели, недовольно бурча. Гро заговорил:

– Сначала посмотрите на этот пергамент. В нем пункты важного договора о союзнничестве, под которыми стоит собственноручная подпись Красного Фолиота. Конечно, его страна военной мощи не имеет, и мы могли бы растоптать его так, что под нашими подошвами остатки разотрутся. В день битвы нам от его слабой помощи будет мало пользы. Но через эти острова проходит прекрасный морской путь, и кораблям есть, где развернуться. Если наши враги займут это место, их флот расположится так, что сможет причинить нам невероятные неприятности. В нашем положении такой договор весьма выгоден. Далее. Знайте, что когда я советовал вам застать демонов врасплох в постелях, а не нападать на них в пиршественном зале, я уже был предупрежден о том, что Красный Фолиот дал приказ своим солдатам обезоружить поднявших мечи, будь то мы или демоны. И когда я ушел из зала, чтобы вступить в разговор с Красным Фолиотом, в чем глубоко уверен Кориниус, я на самом деле имел целью получить подпись на договоре, который только что показал вам. Интригуй я с Красным Фолиотом против Колдунии, я бы вряд ли оказался таким простаком, чтобы возвращаться сюда на гибель вместо того, чтобы спокойно пребывать в его дворце.

Теперь, когда Гро заметил, что его защита умерила гнев колдунов, и убедился, что он достаточно хитро переплел ложь с правдой, он опять обратился ко всем:

– Я мало чего добился своими стараниями на благо Колдунии. Лучше бы вы следовали моим советам. Корунд знает, как, рискуя жизнью, я после первого раунда пытался отговорить Короля от дальнейшего боя. Если бы Король прислушался к моему совету, а не исполнился подозрений и не угрожал мне смертью, нам не пришлось бы сейчас нести покойного в королевские катакомбы в Карсэ.

Корунд сказал:

– Правду ты говоришь.

– Только одно мне не удалось, – сказал Гро. – Но это можно исправить, причем скоро. Мне не удалось убедить Красного Фолиота, хотя он и встал на нашу сторону, напасть на демонов обманным путем, и он не допустит, чтобы мы разбили их сейчас на его островах. Он в паутине простых глупых сомнений, и упрямится, но я убедил его задержать их здесь на три дня, а мы уйдем в море сегодня ночью. Он искренне поверил, что мы боимся демонов, и потому отплываем раньше, чтобы они не застали нас врасплох на море. Мы в самом деле окажемся дома до того, как они поднимут паруса, но не из страха, а чтобы подготовить смертельный удар и не дать им добраться до Демонланда.

– Какой удар, гоблин? – спросил Кориниус.

И сказал Гро в ответ:

– Удар, который я спланирую вместе с Королем Горайсом Двенадцатым. Он ждет нас в Карсэ. Я не собираюсь болтать о нем с пьяницей и игроком в кости, который только что пытался обнажить меч против истинного друга Колдунии.

При этих словах Кориниус в ярости замахнулся мечом на Гро, но Корунд с сыновьями сдержали его.

В свой час звезды обозначили полночь, и Красный Фолиот тайно пришел со своей охраной к шатрам колдунов. Лорды Колдунии вооружились, их воины взяли скарб, в середине шествия на носилках из копий понесли Короля. Так в безлунной ночи они обошли дворец и стали спускаться по выющейся тропе на дно лощины, а потом пошли вдоль потока к морю. Поближе к берегу решили, что можно без опаски зажечь факел, чтобы видеть дорогу. Голыми и мрачными были скалы по бокам лощины, пламя факела отражалось в драгоценных камнях короны Колдунии, поблескивало на сапогах с острыми носками, которые торчали из-под подбитого медвежьим мехом плаща Короля, на латах и оружии носильщиков и сопровождающих, играло на черной поверхности холодного потока, бегущего к морю. Тропа была каменистой и неровной, колдуны шли медленно, боясь споткнуться и уронить Короля.

## IV. колдовство в железной башне

*О крепости Карсэ и полном ритуале Короля Горайса XII в древнем покое замка, который должен был определить судьбу и рок лордов Демонланда*

Когда колдуны взошли на борт своего дракара и простились с Красным Фолиотом, гребцы заняли места за веслами, рулевой встал у руля, корабль отошел от причала и поднял паруса. Сначала путь шел вдоль берега, потом открытым морем. Ночью звезды катились над головой, утром восток светлел, и солнце вставало с левого борта. Так они плыли два дня и две ночи. На третий день впереди показалась земля. Утро над Колдунией вставало облачным и туманным, а солнце выкатилось из-за горизонта, как красный огненный шар. Вблизи Тенемоса моряки подождали, пока прилив закроет отмель, и вошли в Друйму. По сторонам тянулись дюны, мелкие болота и Эргаспийская топь. За излучиной реки близ Карсэ по обе стороны, насколько может охватить взор, простиралась болотистая местность с островками ивняка и редкими усадьбами. С севера земля с одной стороны резко обрывалась к излучине, а на противоположной стороне плавно опускалась до уровня дальних болот. С юга у самой реки над заросшей осокой равниной поднимался большой бугор, его венчали скалы, на них высилась мрачная квадратная крепость Карсэ из неотшлифованного черного мрамора. Ее укрепления занимали много акров. Мощную твердыню окружала стена, на каждом углу торчали башни. Дворец был в юго-западном углу, а перед ним прямо над водой на высоте больше семидесяти локтей на площадке с железными подпорами стояла главная башня, круглая, окованная железом, с парапетом, украшенным бесчисленными и разнообразными изваяниями Краба Колдунии. Внешний двор окаймлял ряд кипарисов, которые поднимались к небу над мрачной местностью, как языки темного пламени. С востока от башни был шлюз, за ним мост и сторожевой каземат, с башенками и навесными бойницами. Башни и башенки могли держать под обстрелом все подходы. Мрачна и страшна была твердыня Карсэ, воплощение ночного кошмара над застойной рекой. Даже днем при ярком солнце она сама казалась плотной тенью. Безжалостная сила таилась в ней, окутывая мраком пустынные болота. Ночью она была чернее самой черноты.

Корабль быстро подплыл к шлюзу, лорды Колдунии и их воины высадились, перед ними открылись ворота, и они медленно поднялись во дворец со своей мрачной ношей. В ту ночь тело Горайса XI было выставлено для торжественного прощания в большом зале дворца Карсэ. Прошла ночь и весь следующий день. Король Горайс XII не показывался.

Когда на крепость опустилась тень новой ночи, лорд Гро вышел на террасу за восточной стеной дворца, к нему подошел камерарий и сказал:

– Милорд, Король ждет тебя в Железной Башне и просит принести ему королевскую корону Колдунии.

Гро поспешил выполнить приказание Короля, пошел в большой зал, с благоговением снял с головы Горайса XI железную корону, густо усыпанную бесценными драгоценностями, и поднялся вслед за камерарием по винтовой лестнице в круглый донжон. Дойдя до первой площадки, камерарий постучал в массивную дверь, часовой, стоявший за ней, открыл ее, и камерарий сказал:

– Милорд, по воле Короля тебе надлежит подняться в тайный покой на вершине башни.

Гро был потрясен, потому что никто не входил в запретный покой уже много лет. Давным-давно там колдовал Горайс VII, и говорили, что он накликал на себя гибель, вызвав злых духов. С тех пор покой стоял запечатанным, ибо последующие короли мало верили в тайное искусство, а больше полагались на силу своих рук и крепость мечей Колдунии. Но Гро и обрадовался, потому что сам Король открывает ему запретную дверь, теперь исполнится половина

его замыслов. Он без страха пошел вверх по винтовой лестнице. Было полутемно, на лестнице толстым слоем лежала давно не сметавшаяся пыль, и на стенах висели густые тенета. Поднявшись к низкой дверце, Гро немного помедлил, постучал и стал ждать ответа.

Изнутри раздался голос:

– Кто стучит?

– Милорд, это я, Гро.

Отодвинулся засов, дверца открылась, и Король сказал:

– Войди.

Гро вошел и встал перед Королем.

Круглый покой занимал весь верхний этаж донжона. Уже стужалась темнота, и слабые сумеречные лучи едва проходили сквозь окна-амбразуры в стенах, выходящие на четыре стороны света. В большом очаге горел огонь, бросая мерцающие отблески на ниши в стенах, освещая странные стеклянные и глиняные сосуды, флаконы, реторты, весы, песочные часы, тигли, астролябии, громадный трехгорлый перегонный куб из светящегося стекла на паровой бане, под которой горела лампа, и еще много таинственных предметов. Под северным окном напротив входа стоял почерневший от времени массивный стол, на котором лежали огромные книги в черных кожаных переплетах с железными цепочками на тяжелых замках. За столом в большом кресле сидел Король Горайс XII в черно-золотой мантии колдуна, подпирая щеку худой рукой, похожей на когтистую орлиную лапу. Слабый свет, отец теней и тайн, обрисовывал фигуру Короля. У него были жесткие коротко стриженные волосы, крючковатый, как орлиный клюв, нос, короткая густая борода, гладко выбритая верхняя губа, высокие скулы и тяжелая челюсть, а в зеленые глаза под густыми бровями, казалось, свет вообще не попадал. Дверь бесшумно затворилась. Гро оказался наедине с Королем в страшном покое. Сумрак стужался, огонь в очаге вспыхивал и гас, Король, не двигаясь, опирался на руку, лишь изгиб его бровей показывал, что он смотрит на Гро. Стояла тишина, если не считать слабого шипения огня в очаге.

Через некоторое время Король произнес:

– Я послал за тобой, потому что ты один оказался достаточно смел, чтобы дать последний совет Королю Горайсу Одиннадцатому, ныне покойному, да славится он вечно. И твой совет был хорош. Тебя не удивляет, что теперь совет нужен мне?

– Король и Повелитель, – ответил Гро, – это меня не удивляет. Мне ведомо, что душа продолжает жить, когда погибает тело.

– Удержись от лишних слов, – сказал Король. – Есть тайны, одна мысль о которых может нести гибель, и тот, кто заговорит о них даже в столь уединенном месте, как это, и даже только со мной, может погибнуть жуткой смертью.

Гро ответил:

– О Король, я сказал так не из легкомыслия. Искус был в твоём вопросе. Я готов следовать твоим указаниям.

Король поднялся с кресла и медленно подошел к Гро. Он был чрезвычайно высок и худ, как изголодавшийся баклан. Нагнувшись к Гро и положив руки ему на плечи, он спросил:

– Ты не боишься остаться со мной в этом покое перед началом ночи? Ты не думал о том, для чего предназначена эта комната, и что за инструменты ты здесь видишь?

– Во мне нет страха, о Повелитель, – не моргнув, ответил Гро. – Наоборот, я рад, что ты меня призвал, ибо это совпадает с планами, зародившимися тайно в моей душе после несчастий, обрушившихся на Колдунью на островах Фолиота. Ибо в тот злосчастный день, когда я увидел, как угасает свет Колдунии и ночь опускается над Королем Горайсом Одиннадцатым, вечная ему слава, я подумал о тебе, Повелитель, о двенадцатом короле Карсэ, и вспомнил песнь древнего пророка:

Десять, одиннадцать,  
Двенадцать в свой черед.  
Храбрый и жилистый  
Место займет.  
Тайные науки  
И сильный меч  
Твердыню Карсэ  
Смогут сберечь.

– Понимая, что он песней указал на тебя, Король, Двенадцатого, искусного в науках, я приложил все усилия, чтобы задержать демонов в пределах действия твоих чар, до тех пор пока мы не вернемся домой и не доложим тебе об их местонахождении, так чтобы ты уничтожил их магическим искусством, и они не смогли добраться до многовершинного Демонланда.

Король прижал Гро к груди и поцеловал его, воскликнув:

– Ты настоящее сокровище мудрости и осторожности! Я обнимаю тебя в знак любви.

Король сделал шаг назад, не снимая рук с плеч Гро, и какое-то время смотрел на него пронзительным взглядом. Потом поджег восковую свечу, вставленную в железный подсвечник у стола с книгами, поднес ее к лицу Гро, и сказал:

– Да, ты умен, осторожен, и достаточно смел. Но если ты взялся в эту ночь послужить мне, я должен испытать тебя ужасами, дабы ты привык к ним, подобно тому, как проверяют золото в тигле; если ты окажешься простым металлом, страхи поглотят тебя.

Тогда Гро сказал Королю:

– Повелитель, до того, как оказаться в Карсэ, я много лет странствовал по миру, и многие ужасы знакомы мне, как игрушки ребенку. В южных морях под сияющим Канопусом я видел гигантских полурыб-полуконей, дерущихся с осьминогами в водоворотах Корша. Во мне не было страха. Я был на острове Сиона, когда первый выплеск извержения раскроил остров, как топор рубит череп, и зеленые волны моря поглотили его. Раскаленные скалы зашипели в океане, и много дней на том месте стоял смрад и в воздухе висел пар. И тогда я не боялся. Я был с Гасларком, когда мы бежали из Заджэ Закуло, где вампиры завладели дворцом сверху и зловещие призраки бродили по нему при дневном свете. Вампиры тогда чарами прогнали солнце из неба. Я и тогда не боялся. Тридцать дней и ночей я бродил один по пустыне Моруну в Верхней Бесовии, где не встретишь живой души, но воздух населяют невидимые твари, которые злобно преследуют всех и бормочут в темноте. Я и там не боялся и без промедления прибыл в Морну Моруну, где стоял на краю обрыва, как на краю света, глядя на юг, на непроходимые леса за Бхавинаном, которые никто до меня не видел. Над ними в немыслимой дали между небом и землей возвышаются один над другим одетые льдом гребни высоких гор. Я видел Коштру Пивварку с двумя пиками неземной красоты, а за ними дикие провалы, глубочайшие бездны, и молчаливый царственно-снежный купол Коштры Белорны.

Когда Гро окончил речь, Король отвел его в сторону, взял с полки реторту, наполненную темно-синей жидкостью, и поставил ее на паровую баню над лампой. Из горлышка реторты поднялся бледно-пурпурный пар, и Король собрал его в сосуд. Сделав знак над сосудом, он высыпал из него себе в ладонь немного тонкого порошка. Потом сказал, обратившись к Гро:

– Смотри на порошок.

Гро устремил взгляд на ладонь Короля. Король пробормотал заклинание, порошок зашевелился и поднялся горкой. А потом в руке Короля оказалась шевелящаяся масса мельчайших сырных клещей, они росли, и Гро увидел, что у них появились ноги. Вот клещи выросли до размера горчичных зерен, вот уже каждый из них стал с ячменное зерно, потом с фасолину, потом они стали превращаться в жаб и лягушек. Они продолжали расти и расползаться, падали на пол, доросли до размера мелких собак. Король уже не мог удерживать в ладони больше

одной, подставив руку ей под брюхо, так что ноги болтались в воздухе, а они все росли, потом стали разбегаться по всему полу, запрыгивать на стол и драться. Они были полупрозрачными, как из рога, и бледно-пурпурными, как пар, из которого сотворились. Вот уже они стали величиной с откормленных свиней, и вся комната заполнилась ими так, что они полезли друг на друга, глядя выпученными глазами на Гро и квакая. Король заметил, что корона, которую держит Гро, дрогнула в его руках. Он произнес заклинание, жабы стали уменьшаться в размерах и скоро исчезли совсем.

Король взял с полки темно-зеленый стеклянный шар величиной с яйцо страуса и сказал Гро:

– Хорошо взглядишь в этот шар и скажи мне, что видишь.

– Внутри движется тень.

Тогда Король приказал ему со всей силы бросить шар об пол. Шар был тяжелый, как свинец. Гро обеими руками поднял его и по команде Горайса швырнул на пол, так что шар разлетелся вдребезги. Густой дым поднялся из его осколков и принял форму страшного человека с ногами-змеями, такого высокого, что он упирался головой в потолок. Змеи извивались, а призрак злобно смотрел на Короля и Гро. Король сорвал со стены меч и вложил его в руку Гро со словами:

– Руби ему ноги! И не мешкай, а то тебе смерть!

Гро ударил мечом и легко отсек левую ногу чудовища, она оказалась мягкой, как масло. Но из ее обрубка тут же выросли две извивающихся змеи. То же произошло с правой ногой. Король вскричал:

– Руби и не останавливайся, а то умрешь, как собака!

Гро без устали рубил, а на месте каждой змеи выросло две новых, весь пол покрылся скользкими дергающимися конечностями, пот выступил на лбу лорда, и он взмолился между ударами:

– Король, он уже стал сороконожкой, неужели мне придется до утра делать из него тысяченожку?

И Король произнес тайное заклинание, странный порыв ветра унес все, кроме осколков зеленого шара, комната очистилась.

– Ты не испугался? – спросил Король, и когда Гро ответил отрицательно, добавил: – Мне казалось, такие ужасы должны были потрясти тебя, ты ведь не искусен в магии.

– Но я философ, – ответил Гро. – Я немного знаком с алхимией и скрытыми свойствами материального мира. Я знаю свойства трав, камней, минералов, пути звезд в небесной выси и их влияние на нас. Мне доводилось разговаривать с птицами и рыбами, а также с ползучими существами, я их не боюсь. Я могу мило беседовать со светляками, божьими коровками и муравьями. Так что я сумел приобрести некоторые знания во внешнем мире, хотя ни разу не оказывался в тайных храмах запретного искусства магии. Однако, подходя философски, я понимаю, Повелитель, что ты вызывал иллюзии и фантазмы, которые могут утратить тех, кто не искушен в божественной философии, но на самом деле являются лишь бестелесными призраками.

– Как ты это узнал? – спросил Король.

И лорд Гро ответил ему:

– О Король, ты колдовством сплел венки из страхов так же легко, как дитя плетет венки из маргариток. Тот, кто вызывает смертельный ужас из глубин, добывается этого тяжелым трудом и потом, большим напряжением воли, ума и жил.

Король усмехнулся:

– Истинно так. Теперь, раз от иллюзий твоя душа не содрогнулась, я покажу тебе более материальный кошмар.

И он зажег свечи в больших железных канделябрах и открыл секретную дверцу в стене над самым полом. Гро увидел железную решетку за дверцей и услышал шипение. Король взял тонкий серебряный ключ с тремя выступами по длине, отпер железную решетку и сказал:

– Смотри, что вылупляется из петушиного яйца, высиженного глухой гадюкой. Одного взгляда этой твари достаточно, чтобы обратить в камень всякого, кто встанет перед ней. Если я на мгновение замешкаюсь, снимая чары подчинения, кончена моя жизнь, и твоя тоже. Зловредная сила этого монстра, выпущенного на землю древним Врагом, гибельна для живущих, но маги и чародеи могут использовать его мощь.

Из норы за решеткой вышел злобный урод на петушиных ногах и с головой петуха с розовым гребнем и бородкой, однако голова больше напоминала адскую горгону, чем птицу. Шея имела черное оперение, а чешуйчатое тело, блестящее при свечах, было телом дракона. На спине торчал такой же чешуйчатый гребень. У него были крылья, как у летучей мыши, гадючий хвост с жалом на конце, а из клюва высовывался раздвоенный ядовитый язык. Он был невелик, немногим выше локтя, но страшен. Под чарами заклинания Короля Горайса он не мог устремить свой губительный взгляд ни на него, ни на Гро, и ходил взад и вперед в свете свечей, отворачивая глаза. Перья на шее топорщились от злости, поразительно быстро вертелся чешуйчатый хвост, монстр шипел, раздраженный сковывающим заклятием Короля, шумно дышал и выпускал вьющиеся струи пара. Некоторое время он так ходил, глядя мимо Гро, но Гро все-таки заметил, что его глаза, как бледные луны, горели в ночи тошнотворным зеленовато-желтым светом. Он почувствовал такое отвращение, что его чуть не вывернуло наизнанку, лоб и ладони покрылись холодным потом, и он сказал:

– Повелитель, я пристально смотрел на этого василиска и страха не почувствовал, но он настолько противен, что у меня тошнота подступает к горлу.

На этих словах его чуть не вырвало. Король тут же приказал монстру убираться назад в нору, тот злобно зашипел и скрылся.

Король налил в чашу вина, произнес заклинание, и когда светлое вино вернуло лорду Гро хорошее самочувствие, обратился к нему:

– Отрадно, что ты показал себя истинным философом с отважной душой. Но все же ни один меч нельзя по-настоящему проверить до битвы. Ты должен подвергнуться еще более жуткому испытанию, и если сдашься, то мы оба навек пропадем, и Карсэ будет разрушен и забыт. Осмелишься ли ты пройти последнее испытание?

Гро ответил:

– С нетерпением жду твоего слова, о Повелитель. Мне хорошо известно, что иллюзиями и фантомами демонов не напугаешь, и бесполезно натравливать на них твоего василиска. Они отважны, решительны и обучены наукам. Джасс владеет древней магией и знает способ притупить взгляд василиска. Тот, кто хочет победить демонов, должен в самом деле уметь колдовать.

– Велика сила и хитрость демонского семени, – согласился Король. – Чистой силой они только что взяли верх над нами. Печальное свидетельство тому – гибель Горайса Одиннадцатого, против которого ни один смертный не мог устоять в схватке, пока проклятый Голдри, опьяненный злобой и завистью, не убил его на островах Фолиота. До него всех превосходил в воинском искусстве Горайс Десятый. Он одержал бесчисленные победы и прославил нас во всем мире, пока неожиданно не нашел свою смерть в поединке с кудрявым танцором из Кро-тринга, применившим не знаю, какой подлый прием. Но я, искушенный в науках, обладаю более мощным оружием против демонов, чем крепкие мышцы или убойный меч. Однако мое оружие может оказаться губительным для того, кто им владеет.

Король открыл самую большую книгу на массивном столе и зашептал на ухо Гро, словно кто-то мог его подслушать:

– Это самая страшная волшебная Книга, с помощью которой некогда в такую же ночь Горайс Седьмой расшевелил неведомые глубины. Но знай, что именно она послужила причи-

ной его гибели. При помощи черной магии Горайс Седьмой вызвал кого-то или что-то из доисторической тьмы. От неимоверного напряжения и страшных усилий его рассудок на мгновение затуманился, и то ли он забыл слова, написанные в Книге, то ли не смог найти нужную страницу, то ли потерял дар речи, так что не смог произнести или сделать что-то, чтобы завершить заклинание. В результате то, что он вызвал, не подчинилось ему, а напало на него и разорвало на куски. Я хочу в ближайшие дни воспользоваться теми же самыми заклинаниями, но при этом избежать его судьбы. Для этого надо, чтобы ты не боялся встать рядом со мной, когда я буду произносить заклинания, и если я вдруг ошибусь или засомневаюсь, ты положишь руку на Книгу и тигель и сделаешь все, что нужно, как я покажу тебе заранее. Не будешь бояться?

– Повелитель, покажи мне, что надо делать, – сказал Гро. – Я выполню свою задачу, даже если все фурии ада слетятся в этот покой, чтобы помешать мне.

И Король обучил Гро всем действиям, повторил с ним порядок заклинаний, ознакомил с разными страницами магической книги, где были записаны слова для произнесения в нужное время. Но Король не произнес вслух ни одного из этих слов, а только указал на них в Книге, ибо должен был погибнуть тот, кто выговорит их зря или не вовремя. После этого он выставил все реторты и мензурки в нужном порядке, соединив их горлышки, чтобы началось сгущение, соединение, горение, разложение и, наконец, покраснение их содержимого. Процесс дошел до завершения, когда астролябия определила, что злая звезда Антарес вот-вот выйдет на меридиан полуночи. Король волшебным жезлом начертил на полу комнаты три пентакля в семиконечной звезде со знаками Рака и Скорпиона, и написал между ними некие руны. В центре звезды он изобразил зеленого краба, поедающего солнце. Потом открыл семьдесят третью страницу своей Черной Книги и громким голосом произнес слова с тайным смыслом, вызывая того, чье имя запрещено.

После первого заклинания наступила мертвая тишина и в комнату вошел зимний холод. Гро слышал лишь прерывистое дыхание Короля, словно тот греб против течения. Кровь отхлынула от рук и ног Гро, ему стало холодно, и пот выступил на лбу. Но храбрости он не потерял, и сохранял ясность мыслей. Король жестом приказал Гро отрубить конец некоей черной стеклянистой капли на столе. При этом вся капля рассыпалась в черный порошок. По указанию Короля Гро собрал порошок и высыпал в перегонный куб над лампой, в котором булькала и пенилась зеленая жидкость. Жидкость стала красной, как кровь, куб наполнился желто-коричневым дымом, в котором потрескивали золотистые искры. Из куба закапало негорючее белое масло. Король опустил туда конец жезла и начертил им на полу вокруг семиконечной звезды контур змея Уробороса, поедающего свой хвост. Получился круг. Под кругом Король написал формулу краба и произнес второе заклинание.

После этого морозный ночной холод стал еще более пронизывающим, и комнату заполнила могильная тишина. Рука Короля тряслась, как в лихорадке, когда он переворачивал страницы великой Черной Книги. У Гро зубы стучали. Он сцепил их и ждал. В окна стал проникать свет, как перед утром, но была полночь, когда рассвета быть не может, и светлело со всех четырех сторон. Это был страшный свет смерти и разложения. Пламя свечей потускнело. Лица и руки Короля Горайса и его ученика казались мертвенно бледными, а губы черными, как виноградины, если из них выдавить сок. Король страшно закричал:

– Час близок!

Он взял хрустальный флакон, содержащий волчий студень и кровь саламандры, влил в него семь капель из перегонного куба и стал поливать полученной жидкостью изображение краба на полу. Гро прислонился к стене, ослабев телом, но сохранив непреклонный дух. Холод был так жесток, что руки и ноги немели, а жидкость из флакона сворачивалась, попадая на пол. От великого напряжения крупные капли пота выступили на лбу Короля. В гнетущем свете преисподней он выпрямился, распростер руки, сжатые в кулаки, и громко сказал:

– ЛЮРО ВОПО ВИР ВОАРКХАДУМИА!

При этих словах свет угас, словно задули лампу, и снова сомкнулась ночь. Не было слышно ни звука, кроме затрудненного дыхания Короля. И было ощущение, словно ночь затаилась в ожидании того, что будет. Свечи брызгали воском и горели синим пламенем. Король покачнулся, ухватился левой рукой за стол, и снова произнес страшное слово:

– ВОАРКХАДУМИА!

Мертвая тишина продлилась на десять ударов сердца, а затем грохот потряс землю и небо, и слепящая вспышка, как молния, озарила покой. Весь Карсэ содрогнулся, в комнате словно забила крыльями огромная птица, воздух из холодного стал горячим, как дыхание огненной горы, Гро задыхался от запаха сажи и серы, башня качалась, как корабль на волне против ветра. Но Король, опираясь о стол и сжав его край так, что вены вздулись на его худой руке, прерывисто дыша, кричал изменившимся голосом:

– Заклинаю начертанными изображениями и произнесенными словами, маслом саламандры и помазанием волчьим, не освященным знаком Рака, обращенного к солнцу, и огненным сердцем Скорпиона, пылающего в полночном меридиане, будь моим рабом и орудием! Подчинись мне и служи мне, червь преисподней. Иначе я вызову из прадавней ночи древние силы, способные одолеть тебя и служить мне, а тебя закуют в цепи из негасимого огня и протянут по всем мукам преисподней.

Земля перестала тряситься, осталось лишь легкое дрожание стен и пола, дуновение от взмахов невидимых крыл и запах горячей серы. Из насыщенного воздуха раздался странно благозвучный голос:

– Жалкий бедняга, будь проклят, что потревожил наш покой. Чего ты хочешь?

Тут Гро стало страшно, у него горло пересохло и волосы встали дыбом.

Король весь дрожал, как испуганный конь, но голос его звучал почти ровно, и лицо не выражало страха, когда он заговорил:

– Мои враги отплывают на рассвете от островов Фолиота. Я спускаю тебя на них, как сокола с руки. Я отдаю их тебе. Делай с ними, что хочешь: сейчас или потом, где будет тебе удобно, уничтожь их и сотри с лица земли. Прочь!

На этом силы Короля иссякли, колени его подогнулись, он опустился в кресло, как тяжело больной. Комнату наполнило хлопанье невидимых крыльев, к которому добавился странный смех обреченных душ. Король вспомнил, что не произнес последнего слова, чтобы отпустить посылаемого Врага. Но усталость его была так велика, что он совсем обессилел, язык присох к нёбу, и он не мог произнести ни слова, лишь пытался неслушающимися пальцами перевернуть тяжелые страницы Книги и, страшно вращая глазами, молча звал Гро. Гро подскочил к столу и почти распростерся на нем, потому что твердыня Карсэ снова тряслась, как коробочка с костями в руке, снова молнии раскалывали небо, грохотал гром, оглушительно ревели невидимые волны, и надо всем прозвучал взрыв смеха. Гро понял, что с Королем сейчас произойдет то же, что с Горайсом VII, когда он в давно забытые годы потерял силу, и вызванный дух разорвал его и заляпал стены его кровью. Но Гро даже в этой жуткой буре помнил о девяносто седьмой странице с освобождающим словом, на что пытался указать ему Король, и он вырвал Книгу из рук Короля и открыл нужную страницу. Едва он успел найти Слово глазами, как вихрь града и мокрого снега ворвался в комнату, свечи погасли и стол перевернулся. Гро упал головой вперед, и в наступившей темноте под раскат грома почувствовал, как его голову и тело хватают страшные когти. В агонии он выкрикнул Слово:

– ТРИПСАРЕКОПСЕМ! – и лишился чувств.

Был уже полдень, крогда Гро пришел в себя в затихшем покое. Яркое весеннее солнце пробивалось сквозь южное окно, освещая ночной разгром. Перевернутые столы валялись на полу, который был заляпан дорогими снадобьями, отварами, эликсирами и ядовитыми зельями, вытекшими из разбитых сосудов, засыпан ценными порошками, афродизиаками,

шафраном, горным льном, милосской стриптерией, шариками ртути, всем, что могло высыпаться из расколотых коробочек и золотых шкатулок. Все смешалось: отвар из ядовитых грибов и плодов тиса, аконит, дурман, черная чемерица, квинтэссенция драконьей крови, желчь змеи, эликсиры, о которых мудрецы только могут мечтать, спирты, растворители, питьевое золото... И во всем этом погибшем сокровище лежали и плавали книги, шпатели, подстилки и подставки, серебряные сосуды и осколки стеклянных, обломки ценнейших инструментов. Кресло Короля было перевернуто и отброшено к очагу, Горайс лежал у стола, откинув голову на волосатой шее и задрал к небу бороду. Гро присмотрелся к нему. Казалось, Король невредим, просто спит. Зная, что сон – лучшее лекарство от всего, Гро не стал его будить, а присидел возле него до вечера, хотя сам был страшно голоден и весь в синяках.

Когда Король, наконец, проснулся и удивленно оглядел покой, то произнес:

– Похоже, я споткнулся на последнем шаге ночного пути. Непонятно кто здесь буянил, так наследив.

Гро отвел его подозрения:

– Повелитель, я смертельно устал. Но я выполнил твое повеление.

Тут Король облегченно рассмеялся, поднялся на ноги и обратился к Гро:

– Подними Корону Колдунии и коронуй меня. В этот великий час прими почести, ибо я полюбил тебя за минувшую ночь.

Лорды Колдунии собрались во дворе и оттуда пошли в большой пиршественный зал, куда Король направился из башни, одетый в плащ колдуна. Невероятно ярко сверкали драгоценные камни в железной Короне Колдунии над густыми бровями, выдающимися скулами и презрительно изогнутыми губами Короля, когда он встал у выхода из башни во всем своем величии, а рядом в тени ворот стоял Гро с почетным караулом. Король сказал:

– Милорды Корунд, Корсус, Кориниус и Галландус, и вы, сыновья Корсуса и Корунда, и вы, прочие колдуны! Перед вами – ваш Король, Горайс Двенадцатый, увенчанный короной Карсэ, Король Колдунии и будущий король Демонланда. Все страны подсолнечного мира и все их правители должны будут покориться мне и назвать меня своим Королем и Повелителем.

Все дружно провозгласили славу Королю и поклонились ему. А Король продолжил:

– Не воображайте, что клятвы, данные демонам Королем Горайсом Одиннадцатым, да не угаснет слава его и память о нем, свяжут меня. Я не собираюсь мириться с этим Джассом и его братьями, а считаю их противниками. И сегодня ночью я сотворил Врага, который перехватит их в открытом море на пути домой в многовершинный Демонланд.

Корунд сказал:

– Повелитель, твои слова, как сладкое вино. Когда прошедшей ночью вся крепость Карсэ качалась, и ее основание поднималось и опускалось, как дышащая грудь земли, мы догадались, что были разбужены высшие силы тьмы.

В пиршественном зале Король объявил:

– Гро в этот вечер сядет по правую руку от меня, ибо он мужественно послужил мне.

Колдуны помрачнели и начали перешептываться, тогда Король сказал:

– Я окажу честь любому из вас, кто послужит мне, как он в эту ночь, ради возвеличения Колдунии, – а, обратившись к Гро, добавил: – В Гоблинланд, откуда ты ушел в изгнание, я отправлю тебя с почестями. Я свергну короля Гасларка, и посажу на трон в Заджэ Закуло тебя. Ты будешь собирать дань со всего Гоблинланда и править им от моего имени.

## V. Враг, посланный Королем Горайсом

*О короле Гасларке, и о нападении посланного Врага на демонов в открытом море; и как лорду Джассу по настоянию своих попутчиков пришлось поступить опрометчиво*

Наутро после ночи, когда коронованный Король Горайс XII сидел на пиру, как было описано выше, Гасларк плыл по Среднему морю, возвращаясь домой с востока. Семь его дракаров плыли в одну линию, друг за другом, равняясь по правому борту. Вел флотилию самый большой и прекрасный корабль, выкрашенный в лазурный цвет летнего моря и разрисованный под дракона с крупной золотой чешуей, высоко поднятой головой змея на носу и змеиным хвостом, торчащим над кормой. Команду составляли семьдесят пять лучших гоблинов в ярких рубахах и кольчугах. Они были вооружены топорами, копьями и мечами. Их щиты с гербами висели по бортам. Король Гасларк сидел выше всех на корме, держа крепкими руками рулевое весло. Видными и ладно скроенными были гоблины, собравшиеся на судне, но король Гасларк превосходил их всех силой, красотой и царственной осанкой. Одет он был в рубаху из тирийского пурпурного шелка, широкие плетеные золотые браслеты защищали его запястья. Он прожил всю жизнь под жарким солнцем и был смугл и белозуб. Четкие черты лица с большими глазами и волнистыми черными усами не портил слегка крючковатый нос. Неугомонный, как юноша, он был непредсказуем и необуздан, горд и хорош, как олень осенью.

Капитан корабля Тешмар стоял у его локтя. Гасларк обратился к нему:

– Есть три лучших зрелища в мире, и первое – славный корабль, летящий по волнам с царственной красотой и грацией, взрезая форштевнем гребни волн и расплескивая сверкающую пену.

– Я согласен, Повелитель, – откликнулся Тешмар. – А какие два других?

– Одно мы, к несчастью, пропустили. Вчера пришла весть о поединке великих бойцов, я не увидел, как лорд Голдри одержал победу над хвастливым тираном.

– Но третье, надеюсь, не пропустим, – сказал Тешмар. – Бракосочетание лорда Голдри Блажко в королевском дворце в Заджэ Закуло с юной принцессой, твоей двоюродной сестрой. Будет пышный праздник и великая радость. Счастливый лорд возобладает той, которую считают украшением земли, образцом небесных добродетелей, королевой красоты.

– Да приблизят боги этот день, – сказал Гасларк. – Она милая девочка, а эти мужи из Демонланда – мои лучшие друзья. Ибо, что было бы со мной, Тешмар, и с моим королевством, и со всеми вами, если бы они не поддержали нас, уже не однажды?

Король нахмурился, слегка задумался, потом заговорил снова:

– Я мечтаю о великих делах, надоели мне мелкие набегии за добычей на Неврию, браконьерство в самосийских охотничьих угодьях, это все игрушки, ими не прославишь знатное имя и не приобретешь настоящую известность. Надо сделать что-нибудь такое, чтобы о нас не забыли, чтобы удивить мир, вот как демоны очистили земли от вампиров.

Тешмар, не отрываясь, смотрел на юг, потом показал рукой:

– Там большой корабль, о Повелитель. Мне он кажется странным.

Гасларк минуту внимательно вглядывался в море, потом переложил весло и направил свое судно к неизвестному кораблю. Он больше ничего не говорил, лишь наблюдал, как сокращается расстояние, и пытался разглядеть, что перед ним. Лохмотья шелкового паруса свисали с реи, гребцы еле гребли, словно корабль шел на ощупь, и его еле удавалось удержать от дрейфа кормой вперед. Он болтался в море, как побитый, не зная, в какой стороне родной причал, и куда плыть. Словно побывав в пламени чудовищной свечи, он был обожжен и замаран сажей. Гордая фигура на носу была побита, разбиты были бак и полуют, и красивые скамьи. Судно дало течь, так что полкоманды вычерпывали воду, чтобы держаться на плаву. Из пятидесяти

весел половина была сломана или унесена морем, много раненых и несколько убитых лежали под бортами.

Приблизившись, король Гасларк понял, что за рулем на поврежденной корме стоит лорд Джасс, а рядом с ним Спитфайр и Брандок Дах. Их украшенные драгоценностями доспехи и богатые одежды почернели от вонючей сажи, и на их лицах застыла смесь пережитого страха, горя и гнева.

Когда они оказались на расстоянии крика, Гасларк окликнул их. Они не ответили, только отчужденно взглянули на него. Но они остановили корабль, Гасларк взошел на борт, поднялся на корму и приветствовал их.

– Удачная встреча в неудачный час, – сказал он. – Что случилось?

Лорд Джасс попытался заговорить, но не смог произнести ни слова, только двумя руками взял Гасларка за руку, и со стоном опустился на доску, отвернув лицо.

Гасларк сказал:

– О Джасс, ты столько раз брал на себя груз моих бед и спасал меня, дай мне разделить с тобой твоё несчастье.

Но Джасс ответил странным глухим голосом, словно говорил сам с собой:

– Говоришь, мое? О Гасларк, что в этом превратном мире мое, если я только что лишился части своей души, брата, правой руки, главной опоры дома моего!

И он разразился рыданиями.

Кольца короля Гасларка вдавились в плоть от того, как Джасс сжимал его руку. Но он почти не чувствовал боли, такое страдание испытывала его душа от потери друга. Страшно и горько было видеть трех великих лордов Демонланда, плачущих, словно перепуганные женщины, и плачущих рядом с ними испытанных воинов. Гасларк хорошо понял, что сейчас благородные лорды не примут утешений, с ними случилось нечто слишком ужасное, о чем он пока не имел понятия. От неведения его сердце еще сильнее болело.

Однако, после многих расспросов, он все узнал. Ему рассказали, как за день до их встречи, в яркий полдень в открытом море при тихой погоде они услышали с неба хлопанье невидимых крыльев, которые, судя по шуму, должны были простираться от горизонта до горизонта. Потом море высоко поднялось и опало, волны схлестнулись над кораблем, но он не затонул. Загремел гром, волны взъярились, засверкали молнии, все накрыла черная ночь. Когда тьма отступила, море успокоилось. Вокруг, сколько доставал взгляд, была только вода.

– Нет никаких сомнений, – говорил Джасс, – что это Король Горайс Двенадцатый наслал на нас Врага. Пророки говорят, что он великий некромант, сильнее всех в этом мире. Это его месть за поражение, которое мы нанесли Колдунии на островах Фолиота. Предвидя подобное несчастье, я запасся некими амулетами из камня алекториана, который образуется в зобе петуха, вылупившегося в безлунную ночь, когда Сатурн горит в знаке человека, и рождается глава третьего дома. Амулеты спасли нас от гибели, хотя нас сильно потрепало. Спаслись все, кроме Голдри. Он остался без амулета. Проклятая случайность! То ли он его не надел, то ли цепочка порвалась припадении на нас, то ли он потерялся по другой причине, но когда вернулся свет, нас на корме осталось трое вместо четырех. Больше я ничего о нем не знаю.

– О Гасларк, – сказал Спитфайр. – Наш брат похищен, теперь мы должны найти его и освободить.

Но Джасс застонал и сказал:

– Под какой звездой бесконечного неба ты начнешь поиск? В каком тайном течении океана найдешь то место, где последний зеленый луч гаснет в мутной тьме?

Гасларк некоторое время молчал. Потом произнес:

– Мне кажется, и больше всего похоже на то, что Горайс захватил Голдри Блажко и держит его в темнице в Карсэ. Туда и надо немедленно отправиться, чтобы его освободить.

Джасс не ответил. Но Гасларк схватил его за руку и сказал:

– Мы давние друзья, ты много раз спасал Гоблинланд. Твоя война – моя война. Послушай мое решение. Когда я плыл с востока через пролив Ринат, я видел мощный флот из сорока кораблей, шедший на восток в Бештрианское море. Хорошо, что они нас не заметили, потому что мы задержались у Эллиэнских островов, и были сумерки. Зайдя позже в Норвасп в Пиксиленде, мы узнали, что то был Лаксус со всем флотом Колдунии, который направлялся чинить разбой в мирных городах Бештрианского побережья. Мои семь кораблей по сравнению с армией этих злодеев были всего лишь антилопой, встретившей жадного льва. Но теперь, смотри, как широко открывается дверь к выполнению наших замыслов. Лаксус со своим флотом далеко на востоке. Я сомневаюсь, что в Карсэ осталось на этот момент больше полутора или двухсот воинов. Здесь у меня пять сотен. Еще не представлялось более удобного случая обрубить когти Колдунии и расцарапать Горайсу лицо, пока он снова соберет силы.

Гасларк рассмеялся в предвкушении битвы и воскликнул:

– О Джасс, как тебе улыбается такой план?

– Гасларк, – ответил лорд Джасс. – Ты предлагаешь его со всем благородством и открытой душой, я за это всегда любил тебя. Но не с налета можно победить Колдунию, а после долгих дней приготовлений и составления планов, и строительства флота, и сбора сил, которые мы еще не восполнили после уничтожения вампиров.

Гасларк не сумел его убедить, как ни старался.

Но Спитфайр сел рядом с братом и заговорил с ним:

– Родич, что с тобой? Неужели Демонланд потерял боевой дух и с ним способность быстро действовать? Неужели от нас осталась только непотребная оболочка? Ты совсем не тот, каким был; если бы колдуны сейчас нас видели, то решили бы, что мы подавлены страхом, раз на нашей стороне так удачно оказалась сила, а мы пятимся, вместо того чтобы нанести удар.

Джасс сказал на ухо Спитфайру:

– Дело в том, что я в душе сомневаюсь в стойкости гоблинов. Внезапное пламя их храбрости похоже на пожар в сухих листьях. Их стоило бы проверить, прежде чем во всем на них полагаться. Я считаю, что глупо доверять им нанесение главного удара по Карсэ. Тем более, то, что Голдри там, может оказаться игрой воображения.

Но Спитфайр, выругавшись, вскочил и воскликнул:

– О Гасларк, тебе лучше направиться домой в Гоблинланд. А мы открыто поплывем в Карсэ и будем просить аудиенции у великого Короля, умолять его разрешить нам расцеловать пальцы его ног и признать его нашим Повелителем, а нас считать дурно воспитанными непослушными детьми. Пусть он тогда вернет нам брата и всех примерно накажет, а потом отправит домой в Демонланд, раболепствовать перед Корсусом или Кориниусом, или кого он там посадит в Гейлинге как своего заместника. Ибо вместе с Голдри все мужество ушло из Демонланда, остались мы, молокососы, нас можно презирать и оплевывать.

Пока Спитфайр так говорил в гневе и горе, лорд Брандок Дах ходил туда-сюда по палубе, как голодный барс по клетке. Время от времени он хватался за рукоять длинного меча и бряцал им в ножнах. Наконец, встав перед Гасларком и окинув его насмешливым взглядом, он сказал:

– О Гасларк! Все, что произошло, меня так взволновало, что дух мой рвется наружу, в голове поднимается буря, а тело в тоске, сейчас сойду с ума. Лучшее лекарство от этого – драка. Если ты меня любишь, Гасларк, вынимай меч и защищайся! Мне надо подраться, а то взрыв чувств меня убьет. Жаль, что приходится обнажать меч против друга, но что остается, если нельзя драться с врагами?

Гасларк расхохотался и в шутку придержал его руки, говоря:

– Я не буду с тобой драться, Брандок Дах, спасший Гоблинланд от колдунов.

Но он тут же помрачнел опять и обратился к Джассу:

– О Джасс, подчинись. Видишь, в каком состоянии твои друзья. Мы все, как псы, рвемся с цепи, чтобы напасть на Карсэ в удобный час, которого может больше не случиться.

Теперь, когда лорд Джасс увидел, что они все против него, и услышал, как горячо они отстаивают свое намерение, он укоризненно усмехнулся и сказал:

– О брат мой и друзья мои, не уподобляйтесь эху. Манок лишь подражает голосу истины. Наверное, вы все лишились ума, и я тоже. Говорят же: трещина в одном месте приводит к многим трещинам. Воистину, я очень забочусь о своей жизни теперь, когда Голдри нет среди нас. Давайте же бросим жребий, и так решим, кто из нас троих отправится домой на нашем корабле, ставшем калекой из-за насланного Врага. Тот, кому жребий выпадет, должен будет плыть в Демонланд, собирать мощный флот и вооружать его для войны с Колдунией.

Так сказал лорд Джасс, и все те, кто всего лишь час назад находились между жизнью и смертью и не надеялись ни выздороветь, ни даже выжить, взбодрились духом, как в некоем опьянении, и мечтали лишь о радости битвы.

Лорды Демонланда наметили свои жребии и бросили их в шлем Гасларка. Гасларк встряхнул шлем, и выпал жребий лорда Спитфайра. Он пришел в большой гнев. Лорды Демонланда сняли латы и богатые одежды, почерневшие от сажи, и отдали их вычистить. Шестьдесят их воинов, оставшихся невредимыми после нападения Врага, пересели на один из кораблей Гасларка, а команда этого корабля взошла на борт корабля Демонланда, и Спитфайр взялся за рулевое весло. Раненые демоны лежали в трюме. Вместо порванного был поднят запасной парус. В глубоком неудовольствии, но с бодрым выражением лица лорд Спитфайр поднял парус и направился на запад. Король Гасларк встал за руль своего боевого драккара, с ним были лорд Джасс и лорд Брандок Дах, нетерпеливый, как боевой конь в ожидании битвы. Нос корабля, направленный на север, развернулся к востоку, его парус, расшитый лилиями, захлопал по мачте и наполнился северо-западным ветром, а остальные шесть судов повторили маневр, встали в фарватер с развернутыми белыми парусами и величественно заскользили по волнам широкого моря.

## VI. Когти Колдунии

*О предводительстве короля Гасларка в попытке нападения на Карсэ, и преуспел ли он, а также о великом сопротивлении лордов Джасса и Брандока Даха*

На третий день вечером, когда они завидели побережье Колдунии, они убрали паруса и стали ждать ночи, чтобы причалить к берегу в темноте; ибо не очень хотелось им, чтобы Король узнал, где они. Их план был подвести корабли к пустынному берегу примерно в двух лигах от Тенемоса, откуда до Карсэ было около двух часов пути по болоту. Так что, когда село солнце, они обмотали весла и тихо погребли к плоскому берегу, который казался странно близким в темноте, но будто все время отступал и не приближался. Наконец, добравшись до земли, они вытянули корабли на берег, оставили примерно полсотни гоблинов сторожить их, а остальные воины вооружились и зашагали в глубь земли сначала по песчаным дюнам, потом по открытой болотистой местности. Большинство воинов были из Гоблинланда, поэтому трое вожаков, Джасс, Брандок Дах и Гасларк, договорились, что всем набегом будет командовать Гасларк. Шли они молча, болотистая почва была достаточно твердой, но шли осторожно, обходя опасные торфяные ямы и мелкие лужи. Это время года было сравнительно сухим, и воды было мало. Но ближе к Карсэ погода ухудшилась, начался дождь. И хотя малоприятно шагать ночью под моросящим дождем к крепости, имевшей плохую славу, лорд Джасс радовался, ибо плохая погода способствовала неожиданности, а они надеялись именно на внезапность.

Около полуночи они сделали привал примерно в четырех сотнях шагов от внешних стен Карсэ, которые смутно виднелись сквозь пелену дождя. Твердыня больше напоминала высокую молчащую гробницу, в которой лежит мертвая Колдунья, чем окованный железом панцирь с огромной силой внутри. От вида темной громады под дождем в сердце Гасларка запыхал огонь битвы. Ничто не обрадовало бы его больше, чем возможность подойти к стенам со всем своим воинством, обойти их, и, найдя наиболее удобное место, внезапно напасть и захватить. Лорд Джасс хотел сначала выслать вперед малую силу и добыть сведения, а потом нападать, но об этом Гасларк слушать не хотел. Говорил он:

– Они там уже третью ночь все пьяны, празднуют победу своего посланного, осушают чашу за чашей. Охрана слаба, ибо они думают, что никто не придет их воевать теперь, когда сила Демонланда сокрушена. Уж не жалкие гоблины, так они думают. Смех, да и только! Но твой передовой отряд может их предупредить, и тогда у наших главных сил не будет случая напасть внезапно. Нет, ибо даже когда вампиры в тот недобрый день внезапно напали на меня в Заджэ Закуло, мы смогли бы дать им отпор, если бы узнали об их приближении. Крепость Карсэ надо атаковать сразу. Если ты страшишься их вылазки, я желаю ее. Если они откроют ворота, у нас хватит сил, чтобы ворваться внутрь, неважно сколько их там засело.

Джассу не нравился такой совет, но его разум еще сковывала некая вялость, и он не стал противоречить Гасларку. Так что они подкрались к стенам Карсэ. Тихо падал дождь, и недвижно стояли кипарисы за внешними стенами из черного мрамора, угрюмыми и молчащими в мрачной полночи.

Гасларк дал команду, войско стало осторожно огибать крепость с севера, потому что с юга река омывала стену, а на северо-западе они надеялись найти место для проникновения внутрь. Впереди шел Гасларк с сотней своих лучших воинов, за ними – демоны. Главные силы гоблинов под командованием Тешмара следовали за демонами. Двигались они осторожно, и, наконец, дошли до пологого холма, тянувшегося на юго-восток от самых болот и кончавшегося утесом, на котором стояла крепость Карсэ. Воины из Гоблинланда, опьяненные предстоящей битвой, вырвались вперед, а демоны отстали, так что Джассу не удавалось догнать их. Воины

Тешмара боялись отстать, Тешмар не мог сдержать их, и они прорвались между демонами и стенами, намереваясь бегом присоединиться к Гасларку. Джасс тихо выругался, сказав:

– Толпа гоблинов неуправляема. Они всё провалят.

В таком порядке войско остановилось. Гоблины Тешмара оказались не дальше, чем в двадцати шагах от стен, когда на них, словно молнии, вспыхнули факелы, ослепляя гоблинов и демонов и ярко осветив стражу на стенах с луками, копьями и пращами. В нападающих полетели стрелы и камни. В то же мгновение отворились тайные ворота, из них выскочил лорд Кориниус с сотней высоких воинов Колдунии, крича:

– Тот, кто захочет поужинать крабом Колдунии, будет иметь дело с его клешнями, прежде чем подберется к панцирю!

Ворвавшись в строй воинов Гасларка с фланга, он рубил двуручной секирой с бронзовыми пластинами так яростно, что разделил гоблинов надвое. Их было больше, но не они, а солдаты Кориниуса напали внезапно. Гоблины смешались и отступали под натиском. Многие были ранены, некоторые убиты, в том числе Тешмар, капитан корабля Гасларка. Он поднял меч на Кориниуса, но промахнулся, при этом наклонился вперед, и Кориниус одним ударом отсек ему голову. Гасларк с лучшими воинами успел проскочить тайные ворота в стене, но теперь вернулся назад навстречу Кориниусу, громко скликая гоблинов в атаку, дабы загнать колдунов назад за стены. Прорубившись к Кориниусу, Гасларк ткнул его копьем и ранил в руку. Но Кориниус секирой разрубил древко копья Гасларка, прыгнул на гоблина и нанес ему глубокую рану в плечо. Гасларк взялся за меч, и обменялись они многими ударами, под которыми шатались, но никто из них не упал, пока Кориниус не обрушил на шлем Гасларка свою секиру сверху вниз, как топор на дрова. Крепок был шлем, подаренный лордом Джассом в былые дни в знак любви и дружбы, не смог Кориниус его разрубить. Гасларк остался жив, но упал на землю, как мертвый. С его падением смятение охватило гоблинов.

Все это произошло в самом начале вылазки колдунов, когда лорды Демонланда не успели вступить в битву, только воины Гасларка оказались перед колдунами. Но теперь Джасс и Брандок Дах мощным броском прорвались вперед и подняли Гасларка. Джасс приказал отряду гоблинов отнести его на корабль, дабы он остался цел. Но колдуны громко орали, что король Гасларк убит, и в этот удачный для них момент сидевший в засаде Корунд с полусотней воинов выскочил из потайной двери в западной стене и напал на гоблинов с тыла. Поверив, что Гасларк зарублен, гоблины отчаялись и растерялись, их сердца дрогнули. В полутьме они не сумели трезво сообразить, что их воинство намного больше колдунского, пришли в ужас и побежали от стен Карсэ. Колдуны бросились за ними, как бешеный кролик за горностаем, и убивали их дюжинами и сотнями, так что немногим больше полусотни храбрых гоблинов, отправившихся с Гасларком на штурм Карсэ, сумели добежать через болота до кораблей.

А Корунд с Кориниусом, собрав сильнейших бойцов, тут же набросились на демонов, и между ними произошла жестокая битва, далеко был слышен гул от ударов и звон оружия. Соотношение сил изменилось. Гоблинов вывели из сражения, колдунов погибло мало, и теперь на одного демона их приходилось четыре. Они теснили демонов со всех сторон. Тут случайная стрела со стены вдруг застряла в шлеме Корунда. Он заорал, что после боя порубит на пироги тупоголового олуха, который посмел поставить лучников на стены, тем портя забаву и угрожая жизни своих же бойцов. Стрельба со стены прекратилась.

Битва становилась все кровавее. Демоны отчаянно отражали атаки колдунов, лорд Брандок Дах бросался то на Корунда, то на Кориниуса, и они по очереди отступали от него под защиту своих воинов, осыпая друг друга громкими проклятиями. Вряд ли кто в течение одной ночи видел столько чудес отчаянной храбрости, сколько показал лорд Брандок Дах. Он играл мечом легко, как ивовым прутиком, но на конце его меча была смерть. Одиннадцать сильных противников уложил он насмерть, и пятнадцать тяжело ранил. Наконец, Кориниус, которого колкости Корунда жалили, как слепни, пристыженный и разъяренный, бросился на лорда Бран-

дока Даха, как безумный, нацелясь двуручной секирой разрубить его до пояса. Но Брандок Дах легко ускользнул от удара, как зимородок над прудом избегает в полете ветвей ольхи, и мечом пронзил Кориниусу правое запястье. Так Кориниус был выведен из боя. Колдуны не добились больших успехов и в противоборстве с лордом Джассом, который косил их размашистыми ударами, кого разрубая, кому снося голову, пока они не были вынуждены отступить от него. Все демоны сражались великолепно во враждебном тумане, против превосходящих врагов, до тех пор, пока все не полегли, в живых осталось только два лорда: Джасс и Брандок Дах.

Тут на бастион Карсэ вышел Король Горайс в черных доспехах, инкрустированных золотом, и увидел этих двоих, которые, встав спиной к спине, продолжали отражать удары колдунов, наседавших со всех сторон, и никто не мог одержать верх над ними. Король обратился к Гро, стоявшему рядом, и спросил:

– Туман и свет факелов мешают мне видеть. Кто эти двое, учинившие кровавую бойню с моими лучшими воинами?

Гро ответил:

– О Король, это не кто иной, как лорд Джасс, и с ним лорд Брандок Дах из Кротринга.

Тогда Король сказал:

– Вот так помалу возвращается ко мне добыча, за которой было послано. Ибо тайным способом я уже получил сведения, что тот, кто был послан, захватил Голдри, самого ненавистного мне. А эти двое, спасшиеся благодаря чарам, обезумели настолько, что сами шагнули в открытую пасть моего мщения.

Король немного помолчал, глядя вниз на бой, потом насмешливо ухмыльнулся и произнес:

– Нечего сказать, приятное зрелище: сотня моих храбрецов отскакивает и уклоняется от этих двоих. До сих пор мне казалось, что есть достойный меч в Колдунии, и что Кориниус и Корунд – не просто хвастуны, у которых, как оказалось, нет ни силы, ни смелости. Их, как мальчишек, отхлестали светлыми мечами Джасс и этот выскочка из Кротринга.

Но Кориниус, к этому времени вышедший из боя и вставший рядом с Королем, озлобленный, с рукой в крови, воскликнул:

– Ты неверно судишь, о Король! Было бы справедливее похвалить меня за великий подвиг, удачную засаду на большое войско и полный его разгром. То, что мне не удалось превзойти этого Брандока Даха, не удивительно, ибо сильнейший воин, чем я, Горайс Десятый, да сияет память о нем, был им с легкостью побежден. Мне кажется, что мне повезло не быть убитым, а отделаться раненой рукой. Эти двое – неуязвимы, их ни рубящим, ни колющим ударом не возьмешь. А Джасс – чародей, сильнее его не сыщешь.

– А вы все – взрослые молокососы, – сказал Король. – Но я не испытываю желания дальше наблюдать такое представление. Пора кончать.

Король призвал старого герцога Корсуса и приказал ему поймать демонов сетями. Воины Корсуса, потеряв убитыми около двадцати бойцов при большом численном перевесе, наконец, смогли накинуть сети на лорда Джасса и лорда Брандока Даха, и затащить их, как шелкопрядов в коконах, в крепость Карсэ. Там их швырнули оземь, и все колдуны радовались, что таких великих бойцов удалось, наконец, обездвигить. Ибо Корунд и его воины настолько утомились, что чуть не падали с ног.

Когда воины Короля зашли в Карсэ, им было велено снова выйти с факелами, найти всех раненых колдунов и внести их за стены, а оставшихся в живых раненых демонов и гоблинов прикончить мечами. Лорда Джасса и лорда Брандока Даха, крепко спутанных сетями, бросили в угол внутреннего двора, как тюки с испорченным товаром, и оставили до утра под стражей.

Когда лорды Колдунии отправлялись спать, то увидели в западные окна красное зарево и языки пламени у берега. Кориниус, обратившись к Гро, сказал:

– Смотри, как гоблины, прежде чем со стыдом уплыть домой на одном корабле, сжигают остальные, чтобы мы за ними не погнались.

И Кориниус, у которого уже слипались глаза, повел Гро спать, по дороге пнув лорда Брандока Даха, не имевшего возможности ответить.

## VII. Гости Короля в Карсэ

*О двух пиришественных залах в Карсэ, старом и новом; об угощении, поставленном Королем Горайсом XII для лордов Джасса и Брандока Даха, о пире в честь принца Ла Фириза; и об их отбытии после пиришества*

В день после битвы над Карсэ наступил ясный рассвет. После военных трудов колдуны долго спали, и до тех пор, пока солнце не поднялось над стенами, возле них не было никакого движения. К полудню Король Горайс выслал за стены отряд с приказом собрать добычу. Потом все тела погибших перенесли на холм на правом берегу реки Друймы, ниже по течению в полумиле от Карсэ. Колдунов, демонов и гоблинов похоронили в одной могиле и насыпали над ней большой курган.

В тот день нещадно пекло солнце, но на террасу под мощной башней за западной стеной дворца падала густая тень, и там стояла приятная прохлада. Между плитами из красной яшмы пробивались ростки асплениума, горьких ночных трав, ассафетиды, серые поганки и зубы дракона. По внешнему краю террасы были посажены в ряд кусты туи, невысокие и круглые, как спящие сони, а в промежутках между ними – пышные акониты с дурманящим запахом. Терраса тянулась на много сотен футов с севера на юг, в начале и в конце ее черные мраморные ступени вели вниз, до уровня оборонительных укреплений.

Напротив западной стены дворца были массивные скамьи из зеленой яшмы с разноцветными бархатными подушками. На скамье, ближайшей к Железной Башне, спокойно сидела женщина и завтракала вафлями с кремом и айвовыми пирожными, которые служанки подавали ей на подносе из светлого золота. Женщина была высока и стройна, красива, как береза в солнечной роще ранней весной. Золотисто-рыжие волосы были собраны свободными прядями и заколоты большими серебряными шпильками с алмазными головками. Платье из серебристой ткани было расшито узорами из черных шелковых шнуров с лунными камнями, а поверх него была накинута мантия из травчатого атласа цвета голубинового оперения с блестящими серебряными нитями. Она была белокожа и изящна, как лань. Нежными пальцами она брала с подноса пирожные и вафли, время от времени запивая их белым вином из подвалов Карсэ, налитым в янтарный кубок с тонкой резьбой. Дева, сидящая у ее ног, играла на семиструнной лютне и негромко пела:

Не спрашивай, куда уйдет Юпитер,  
Когда пройдет июнь, увянут розы все.  
Цветы найдут последнюю обитель  
В твоей благоухающей красе.

Не спрашивай, куда уходят искры  
Веселых, золотых и светлых дней.  
Готовит небо из любви чистой  
Пыль – серебро для головы твоей.

Не спрашивай, где скрылся соловей.  
Когда проходят майские отрады,  
Живет он в нежной памяти твоей,  
Зимой в твоих устах звучат его рулады.

Не спрашивай, где звезды светят те,

Что падают с небес в глухой ночи.  
В твоих глазах они, в твоей мечте,  
Навек с тобою вместе их лучи.

Не спрашивай, закат или восход  
Гнездом для феникса послужит в ходе дней.  
Лишь знай: к тебе он все равно придет  
И пламенно сгорит в груди твоей.

– Довольно, – произнесла женщина. – Сегодня утром твой голос хрипит. Никто еще не вышел из крепости, чтобы можно было расспросить о событиях прошлой ночи? Неужели даже от ворот все ушли, и милорд спит, словно все маки земных садов наслали сон на его голову?

– Вон идет один, госпожа, – сказала девушка.

– Это лорд Гро, – сказала леди. – Он может внести ясность. Хотя будет удивительно, если он участвовал в ночном сражении.

По террасе подошел Гро в серовато-коричневом бархатном плаще с жемчужно-серебристым стоячим воротником, отделанным выпуклым золотым узором. Его длинная волнистая черная борода была надушена апельсиновой водой и дягилом. После взаимного приветствия леди приказала служанкам отойти и сказала:

– Милорд, я жажду новостей. Поведай мне, что происходило после заката. Ибо я крепко спала до тех пор, пока утренние лучи не проникли сквозь окна моих покоев, а потом очнулась от сна, в котором были трубы и факела, и военная тревога. Мой повелитель пришел в постель в сопровождении факельщиков, и не сказал мне ни слова, а сразу заснул, совершенно измученный. На нем было несколько царапин, но ни одной серьезной раны. Я не стала его будить, ибо сон – бальзам, и он бы разгневался на разбудившего. Но сама битва и фантастические догадки слуг вызывают удивление. Пошел слух, что огромное войско Демонланда высадилось в Тенемосе, было разгромлено милордом и Кориниусом, Голдри Блажко был убит в поединке с Королем. Говорили, что Джасс наложил чары измены на Лаксуса и на весь наш флот, так что флот пошел против нас с Джассом и демонами во главе, и все были убиты, кроме Лаксуса и Голдри Блажко, которые напали на Карсэ, как бешеные, с пеной у рта. Якобы Кориниус убил Брандока Даха и сам умер от ран. Еще глупее разговоры о моем брате, – продолжала она, гневно сверкнув зелеными глазами. – Не мог он взбунтоваться настолько, чтобы вывести Пиксиленд из-под руки Горайса, примкнуть к Гасларку, напасть на нас, потерять войско и попасть в плен!

Гро рассмеялся и сказал:

– Конечно, леди Презмира, правда принимает странные обличья, когда прислуга разносит ее метлами по королевским дворцам. Но часть ее дошла до тебя. Ты смогла заключить, что большое событие произошло между полночью и рассветом и потрясло мир, и что победная мощь Колдунии в эту ночь возросла необыкновенно.

– Ты пышно выражаешься, милорд, – заметила леди. – Демоны в этом замешаны?

– Да, миледи, – ответил он.

– Их победили? И убили?

– Убиты все, кроме Джасса и Брандока Даха, этих взяли в плен.

– Это деяние моего лорда?

– В большой степени, – сказал Гро, – хотя Кориниус, как обычно, претендует на признание главной заслуги за ним.

– Он слишком на многое претендует, – заметила Презмира, и добавила: – Там больше никого не было, кроме демонов?

Гро, угадав ее мысли, улыбнулся и осторожно ответил:

– Миледи, там были колдуны.

– Милорд Гро, – воскликнула она, – ты зря смеешься надо мной. Ты мой друг, тебе известно, что мой брат принц горд и легко входит в гнев. Ты знаешь, что его раздражает верховенство Колдунии. Ты также знаешь, что он уже на много дней просрочил срок подношения дани Королю.

Взгляд огромных глаз Гро смягчился. Он взглянул на леди Презмиру и сказал:

– Разумеется, я твой друг, госпожа. Истинная правда в том, что ты и твой лорд – мои единственные друзья в болотистой Колдунии; точнее, вы двое и Король. Но кто может спать спокойно, будучи в милости у королей? Ах, миледи, во вчерашнем сражении не было никого из Пиксиленда. Пусть твоя душа будет спокойна. А моя задача была стоять на парапете возле Короля и улыбаться, когда Кориниус с воинами устроил кровавую резню, убив четыре или пять сотен моих соотечественников.

Презмира задержала дыхание и минуту молчала. Потом произнесла:

– Значит, Гасларк?

– Ясно, что его войско было главным, – ответил Гро. – Кориниус похваляется, что погубил его, и действительно, ему удалось повалить его на землю. Но мне тайно донесли, что его не было среди мертвых.

– Милорд, – сказала Презмира, – пока ты удовлетворяешь мою жажду новостей, ты сам постишься. Кто-нибудь, принесите еду и вино для лорда Гро!

Две девушки побежали и вернулись с искрящимся золотым вином в бокале и блюдом с миногами в пряном винном соусе. Гро сел на яшмовую скамью, и пока ел и пил, рассказывал Презмире о событиях минувшей ночи. Когда он кончил, она спросила:

– Как поступил Король с этими двумя, лордом Джассом и лордом Брандоком Дахом?

Гро ответил:

– Они скованы и находятся в малом пиршественном зале в Железной Башне. Жаль, что твой лорд столь долго пролежал в постели и не пришел на совет, где Корсус и Кориниус при поддержке своих пасынков и сыновей Корсуса подстрекали Короля бесчестно поступить с лордами Демонланда. Истинно сказано в дистихе:

Знай, что сказать; давно ведь ясно,  
Что Королям совет давать опасно.

Мне тоже мало пользы принесло то, что я открыто противостоял им. Кориниус не упускает ни малейшего случая попрекнуть меня тем, что я гоблин. Но слова Корунда на советах столь же весомы, как его рука в бою.

Пока Гро говорил, на террасе появился лорд Корунд, приказывая слугам принести выдержанного вина промочить горло. Презмира сразу обратилась к нему с упреком:

– Не стоило тебе так долго оставаться в постели, милорд, тебе следовало вместе с Королем решать, как поступить с врагами, взятыми в плен нынешней ночью.

Корунд сел на скамью рядом с женой и отпил вина.

– Если это все, миледи, – сказал он, – то совесть моя спокойна. Ибо нет ничего легче, чем отрубить им головы и насладиться счастливым концом.

– Совсем иначе решил поступить Король, – сказал Гро. – Он повелел приволочь лорда Джасса и лорда Брандока Даха пред его светлые очи и с многими насмешками и колкостями произнес: «Добро пожаловать в Карсэ. На вашем столе не будет недостатка в яствах, хотя вы явились без приглашения». Он приказал оттащить их в старый пиршественный зал, и призвать кузнецов, дабы они вделали в стену большие железные крюки и надели на руки и ноги демонов железные оковы. За эти оковы демонов подвесили к крюкам, а у их ног накрыли стол, как для пира, чтобы мучить их видом и запахом еды. И Король призвал нас всех в старый зал, чтобы мы могли вознести ему новые хвалы и еще поиздеваться над пленниками.

– Великий Король должен быть подобен псу, убивающему сразу, а не коту, который приторно гладит жертву и играет с ней, – отозвалась Презмира.

– Истинно, было бы безопаснее просто убить их, – сказал Корунд, поднимаясь со скамьи. – Кстати, мне надо перекинуться с Королем парой слов.

– С какой целью? – спросила Презмира.

– У того, кто долго спит, – ответил Корунд, лукаво взглянув на нее, – иногда есть новости для той, кто встает раньше времени, чтобы уединиться на западной террасе. Я пришел сказать тебе, что видел из восточного окна нашей спальни, как по Дороге Королей кто-то едет в сторону Карсэ из Пиксиленда.

– Ла Фириз? – спросила она.

– У меня достаточно зоркие глаза, – сказал Корунд, – но я не смог бы поклясться, что узнал собственного брата на расстоянии трех миль. А что касается твоего...

– Но кто может ехать по Дороге Королей из Пиксиленда, кроме Ла Фириза? – воскликнула она.

– Пусть тебе ответит Эхо, миледи, – сказал Корунд. – Мне сдается, что мой зять принц хранит в сердце привязанность к воспоминаниям о прошлых добрых делах. А кто оказал ему большую услугу, чем Джасс, который шесть зим назад спас ему жизнь в Бесовии? Будь Ла Фириз свидетелем наших забав этой ночью, Король приказал бы нашим задирам прекратить издеваться над этими лордами в старом пиршественном зале и вообще не касаться роли Демонланда в ночном бою.

– Идем, я пойду с тобой, – сказала Презмира.

Они нашли Короля у парапета на самой верхней площадке над шлюзом, где он со всеми лордами смотрел на восток, на холмистую равнину, за которой лежал Пиксиленд. Но когда Корунд попытался открыть Королю свои мысли, Король сказал:

– Ты стареешь, о Корунд, и как никчемный торговец, несешь свой товар на рынок, когда он уже закрывается. Я уже дал приказ объяснить народу, что прошлой ночью на Карсэ напали только гоблины, были мною разгромлены, и сброшены в море. Кто посмеет речью или знаком выдать Ла Фиризу, что в деле были демоны, или что моих врагов развлекают в старом пиршественном зале к их неудовольствию, лишится жизни.

– Это хорошо, о Король, – сказал Корунд.

Король спросил:

– Сколько у нас войска, командующий?

Кориниус ответил:

– Шестьдесят три убиты, из оставшихся большинство ранены, и я среди них. На некоторое время я остался одноруким. Вряд ли в Карсэ найдется более пятидесяти здоровых воинов.

– Милорд Корунд, – сказал Король. – Твои глаза видят на лигу дальше любого из нас, молодого или старого. Сколько воинов приближаются к нам по той дороге?

Корунд перегнулся через парапет и заслонил глаза от солнца широкой, как копченая треска, рукой, покрытой, как кожа слоненка, редкими рыжими волосами.

– Того, кто приближается, сопровождают шестьдесят всадников, о Король. Я могу ошибиться на одного-двух, но если их меньше шестидесяти, можешь меня не уважать.

– Будь проклят случай, что несет его сюда так не вовремя! – пробормотал Король. – Все мои войска далеко, я остался со слишком малой силой, чтобы можно было внушить страх, если меня начнут раздражать. Поскорее посади на коня одного из своих сыновей, о Корунд, и пошли его на юг в Зорн и Пермио, пусть наберет там бойцов из крестьян и пастухов. Это мой приказ.

День клонился к вечеру, когда подъехал принц Ла Фириз со своими воинами. После приветствия Король принял дань и выделил покои для гостей. Потом все собрались в большом пиршественном зале, который построил Горайс XI в юго-восточном крыле дворца, когда взо-

шел на престол. Этот зал по размерам и пышности намного превосходил старый зал, в котором оказались лорд Джасс и лорд Брандок Дах. Он имел семь равных стен из темно-зеленой яшмы с кроваво-красными пятнами. В середине одной из стен находилась высокая дверь, а в стенах справа и слева от двери, а также в тех, которые образовывали противоположный угол, были высоко расположенные большие окна. Во всех семи углах стояли кариатиды, изваянные из массивных глыб черного серпентина. Они изображали трехголовых гигантов, пригнувшихся под тяжестью таких же каменных крабов. Распростертые в стороны и вверх клешни этих крабов поддерживали гладкий купол потолка, покрытый картинами битв, охот и поединков в темных красках, соответствующих мрачной величественности зала; на стенах под окнами висело боевое и охотничье оружие, а на двух глухих стенах были по порядку прибиты черепа и кости всех побежденных соперников Горайса XI, до того недоброго часа, когда он сам встретился в поединке с Голдри Блажко. Угол напротив двери пересекал длинный стол, за ним – резная скамья, а от концов этого стола под прямым углом тянулись столы еще длиннее, почти до самой двери, со скамьями по бокам. За правым столом посередине стоял большой красивый кипарисовый трон с черными бархатными подушками, расшитыми золотом, а напротив него за левым – трон поменьше, с подушками, расшитыми серебром. Массивные железные жаровни, числом пять, стояли в ряд в центре зала на ножках в форме орлиных когтей; за боковыми скамьями с каждой стороны было по девять высоких подставок для факелов, которыми зал освещался ночью, и семь таких же подставок за поперечным столом. Пол зала был выложен белым и кремовым мыльным камнем с коричневыми, черными и пурпурными прожилками. Столешницы, лежащие на козлах, представляли собой большие серые полированные каменные плиты с мелкой золотой крошкой.

Женщины сели за поперечным столом. В середине – леди Презмира, затмевающая остальных царственной красотой, как Венера затмевает меньшие планеты, слева от нее – Зенамбрия, жена герцога Корсуса, а справа – Срива, дочь Корсуса, необычно красивая при таком отце. За правым от двери столом вокруг трона расположились лорды Колдунии в праздничных одеждах, напротив них – гости из Пиксиленда. Трон за левым столом предназначался для Ла Фириза. Обильные закуски были выставлены на блюдах из золота, серебра и расписного фарфора. Арфы и волынки заиграли варварскую музыку, гости встали, сверкающая дверь распахнулась, и в зал вошел Король Горайс со своим гостем, принцем Ла Фиризом.

Король величественно прошел мимо столов, озирая их, как черный орел с горной высоты. Его кольчуга из черного металла была отделана по вороту, рукавам и подолу золотыми пластинами со вставленными гиацинтами и черными опалами. Черные шоссы были накрест перевязаны ремнями из тюленьей кожи с алмазами. На левом большом пальце красовался золотой перстень – печать в форме змея Уробороса, пожирающего свой хвост. Голова змея служила оправой персикового рубина величиной с воробьиное яйцо. Плащ был сшит из кожи черных кобр. Полоски кожи скреплялись золотой проволокой, черная шелковая подкладка плаща была осыпана золотой пылью. Тяжелая корона Колдунии с крабьими клешнями, поднятыми, как рога, надо лбом, сияла многоцветьем драгоценных камней, как Сириус сияет ясной морозной ночью.

Принц Ла Фириз был в мантии из черного сендалина с золотыми блестками, темно-пурпурное блио из богатого травчатого шелка по цвету напоминало цветок сон-травы. Золотой обруч на голове был украшен двумя чеканными медными крыльями, отделанными драгоценными металлами, камнями и эмалью так, что они напоминали крылья олеандрового бражника. Принц был немного ниже среднего роста, но силен и крепок, чисто выбрит, рыжеволос и курчав, румян, широколиц и курнос, с широкими ноздрями и густыми рыжими бровями. Глаза его, как у сестры, были зелеными, как море, а огненный взгляд напоминал львиный.

Король сел на трон. Высокая честь сидеть слева и справа от него была оказана Корунду и Кориниусу в знак воинского подвига. Ла Фириз сел напротив, и тут же рабы поспешили подать

блюда с маринованными угрями, устрицами в раковинах, жареными в оливковом масле улитками и моллюсками, плавающими в красном вине с пряностями. Пирующие не замедлили наброситься на угощение, а виночерпий стал обносить их искрящимся вином цвета желтого сапфира в огромной золотой чеканной чаре с шестью золотыми черпаками с ручками в форме полумесяца, висящими в зарубках по краям чары. Каждый гость, когда до него доходила чара, брал черпак и выпивал его, возглашая славу Колдунии и ее правителям.

Кориниус несколько кисло посмотрел на принца, и прошептал на ухо сыну Корунда Хемингу, сидевшему рядом с ним:

– Судя по наряду, этот Ла Фириз – великий хвостун. Смотри, как он старается превзойти демонов по количеству драгоценностей, и как он нагло обезьянничает за столом. Однако, жив этот петух, лишь пока мы его терпим, и он не забыл привезти в Колдунию цену своей шеи.

Рабы стали носить на столы круглые блюда с карпами, сардинами и омарами, за которыми последовали мясные блюда: зажаренные целиком козлята с горохом, пироги с козлятиной, телячьи языки, заливные крольчата, зажаренные в иголках ежи, свиной ливер, мясо, запеченное на углях, потроха, пироги. Босые рабы с блюдами двигались совершенно бесшумно, беседы пирующих становились все веселее по мере утоления голода, а сердца веселели от выпитого вина.

– Какие новости в Колдунии? – спросил Ла Фириз.

– Нет свежее новости, – ответил Король, – чем та, что Гасларк убит.

И Король рассказал Принцу о ночном сражении, как будто честно и открыто называя время, число бойцов с обеих сторон и последовательность событий, но из его речи невозможно было даже догадаться об участии и интересах демонов.

Ла Фириз заметил:

– Странно, что Гасларк на тебя напал. У врага должен быть повод.

– Наше величие, – сказал Кориниус, свысока глядя на Принца, – как яркий свет, который уже опалил не таких мошек, как он. Я в этом не нахожу ничего странного.

Вмешалась Презмира:

– Было бы странно, если бы это был не Гасларк. У него буйная фантазия, она заносит его, как пух чертополоха, и он бросается атаковать небеса.

– Мыльный пузырь, миледи, – откликнулся Кориниус, продолжая с вызовом смотреть на принца. – Все цвета радуги снаружи и пустой ветер внутри.

Презмира взглянула на него смеющимися глазами:

– О милорд Кориниус, сначала смени свой собственный наряд, дабы не убеждать нас в возможном безрассудстве, а то мы не поверим в твои внутренние убеждения или в твою мудрость!

Кориниус осушил чашу до дна и засмеялся, но при этом его красивое надменное лицо слегка покраснело, потому что он в самом деле был одет пышнее всех в этом зале. Широкую грудь облегал короткая куртка из некрашеной оленьей кожи с серебряной чешуей. На нем был золотой нагрудник, густо усыпанный смарагдами, и длинный плащ из небесно-голубой шелковой парчи на серебристой подкладке. На левое запястье он надел массивный золотой браслет, а на голову – венец из черной брионии и паслена. Гро прошептал на ухо Корунду:

– Он быстро напивается, а час еще ранний. Это предвещает неприятности, ибо за грубостью по пятам идет несдержанность.

Корунд ворчанием выразил согласие, а вслух сказал:

– Гасларк мог бы взойти на вершины славы, если бы не его опрометчивость. Мы не слышали ничего более жалкого, чем великий поход его войска в Бесовию десять лет назад, когда он вдруг решил покорить ее и стать повелителем мира. Он нанял Зелдорниуса, Гелтераниуса и Джалканайуса Фостуса...

– Трех славнейших капитанов в мире, – заметил Ла Фириз.

– Истинная правда, – продолжал Корунд. – Он их нанял, дал им корабли, воинов, коней. Такой лязг оружия и гром военных машин мы не слыхивали сотню лет, и он их послал – куда? В богатые и процветающие земли Бештрии? – Нет. В Демонланд? – Нет. В нашу Колдунию, где с двадцатой частью того, что он имел тогда, рискнул теперь и нашел роковую гибель? – Нет! Он послал войско в адские дикие пустыни Верхней Бесовии, безлесные и безводные, где некому было бы платить ему дань, кроме бродячих бандитов и свирепых бесов, на которых было больше блох, чем мелких монет в их кошельках. Он что, думал, что сможет править духами воздуха, привидениями и домовыми? Там же больше никого не найдешь!

– Там на Моруне этих духов наверняка не меньше семнадцати видов, – вдруг сказал Корсус так громко, что все к нему обернулись. – Там водятся огненные духи, духи воздуха, земные духи, водяные, подземные... Есть семь видов видимых, семь видов домовых, короче, если у меня будет настроение, я вам их всех назову наизусть.

Лицо Корсуса с грубыми чертами было хмуро и серьезно: мешки под налитыми кровью глазами, обвисшие щеки и седые усы над толстой верхней губой. Ел он, в основном, чтобы вызвать жажду, маринованные оливки, каперсы, соленый миндаль, анчоусы, копченые сардинки, жареные сардины с горчицей, а теперь ждал, когда подадут подсоленный говяжий филей, чтобы залить его новым бокалом вина.

– Кто-нибудь знает наверняка, какая судьба постигла Джалканайуса, Гелтераниуса и Зелдорниуса? – спросила леди Зенамбрия.

– По-моему, я слышала, – сказала Презмира, – что блуждающие огни заманили их в Гиперборейские края, и там они стали королями.

– Боюсь, что ты сов наслушалась, сестра, – сказал Ла Фириз. – Шесть лет назад мне довелось побывать в Ближней Бесовии, там мне много чего рассказывали, но там верить ничему нельзя.

Вот уже четыре раба внесли на огромном золотом блюде говяжий филей с луковыми гарниром. В тусклых глазах Корсуса мелькнул огонек предвкушаемого удовольствия, а Корунд поднялся с бокалом в руке, и колдуны дружно закричали:

– Песню про филей, о Корунд!

Огромный, как бык, Корунд встал во весь рост в красновато-коричневой бархатной куртке, с широким поясом из крокодильей кожи, окантованным золотом. С плеч его спадал плащ из дубленой волчьей шкуры мехом внутрь, с нашитыми ромбами из пурпурного шелка. Дневной свет угасал, и над запахами яств ярко горели факела, освещая лысину лорда, обрамленную густыми седеющими кудрями, и его длинную густую бороду. Он сверкнул серыми глазами и вскричал:

– Поддержите меня, милорды! Подхватывайте припев, а то я не буду вас любить!

И он пропел песню про филей, громким и звонким, как гонг, голосом. Все орали припев, а блюда на столах звенели.

Подайте филей, говяжий филей!  
Душистый и сочный в подливке своей,  
И принесите чашу вина,  
Я за филей этот выпью до дна!  
Как мне спеть, и как его съесть,  
Как мне воздать кухарю честь?

Хороши поросятина, утка и гусь,  
И каплуном я вполне наслажусь,  
Но нет ничего в этом мире вкусней,  
Чем настоящий говяжий филей!

Как мне спеть, и как его съесть,  
Как мне воздать кухарю честь?

Подайте подливу, чтоб мясо макать!  
Подайте мускат, чтоб его запивать!  
Всех блюд за столом это блюдо ценней —  
Восславим холодный говяжий филей!  
Как мне спеть, и как его съесть,

Как мне воздать кухарю честь?

После этого филей нарезали, чаши наполнили, и Король приказал:

– Позвать сюда моего карлу, пусть он нас потешит своим шутовством!

В зал с гримасами и ужимками вошел карла, одетый в полосатую желто-зеленую безрукавку. За ним волочился длинный хвост.

– Этот карла какой-то мерзкий, – заметил Ла Фириз.

– Придержи язык, Принц, – сказал Кориниус. – Ты не знаешь всех его качеств. Он был послан Королем Горайса Одиннадцатого, да живет вечно память о нем, в Гейлинг к лорду Джассу и лордам Демонланда. Величайшей учтивостью с нашей стороны было отправить к ним посланца этого шута.

Карла устроил перед ними представление с многими шутками, к большому удовольствию лордов Колдунии. Раздражение он вызвал только у Кориниуса и Принца, обозвав их двумя павлинами, которые так похожи в ярком оперении, что их не отличить друг от друга.

Сердце Короля растаяло от вина, и он обратился к Гро:

– Веселись, Гро, и не сомневайся, что я выполню обещание, данное тебе, и посажу тебя на королевский трон в Заджэ Закуло.

На что Гро ответил:

– Повелитель, я навеки твой, но я мало подхожу к роли короля. Я лучше распоряжаюсь чужими судьбами, чем своим достоянием.

На что герцог Корсус, который почти засыпал, развалившись на столе, громким голосом воскликнул:

– Пусть меня черти зажарят, если это не истинная правда! Когда твое достояние опять пропадет, не расстраивайся. Эй вы, налейте мне вина! Полный бокал! Ха-ха! Одним глотком! Ха-ха! За Колдунию! Когда ты наденешь корону Демонланда, о Король?

– Ну-ну, Корсус, – оборвал его Король. – Ты пьян.

Но Ла Фириз произнес:

– На островах Фолиота была дана клятва соблюдать мир с Демонландом. Крепкая клятва обязывает тебя навсегда оставить притязания на захват Демонланда. Я надеялся, что ваша ссора окончена.

– Конечно, окончена, – сказал Король.

Корсус слабо усмехнулся:

– Верно ты говоришь, о Король, и ты, Ла Фириз, говоришь верно. Наша ссора окончена. Ей больше нет места. Видишь ли, Демонланд сейчас, как созревший плод, вот-вот сам упадет нам в рот.

Он откинулся назад, широко открыл рот и, подцепив ножом куропатку в собственном соку, высоко ее поднял. Птица выскользнула, упала ему на щеку, затем на грудь, а потом на пол, забрызгав подливой его медную кольчугу и рукава светлозеленой куртки.

Кориниус рассмеялся, а Ла Фириз воспылал гневом и сказал:

– Милорд, над пьяным позволено смеяться только рабам.

– Тогда сиди и молчи, Принц, – сказал Кориниус. – Чтобы над тобой не посмеялись. Я улыбаюсь отдельным своим мыслям.

А Корсус вытер лицо и запел:

Когда я чашу вина хлебну,  
Без всяких забот отхожу ко сну.  
Плевать на тревоги,  
Плевать на пот,  
Плевать на бремя дневных забот!  
А смерть придет, пошлю ее прочь:  
Нечего делать из утра ночь!

Лейте вино и пейте со мной,  
Как Бахус велит, еще по одной,  
Потому что всегда, когда мы пьем,  
Заботы уходят вместе с вином!

На этих словах певец снова тяжело упал на стол, а карла, чьи насмешки нравились даже тем, на кого были направлены, запрыгал и воскликнул:

– Слушайте чудо! Этот пудинг поет! Подайте тарелки, рабы! Столько бычьей крови и шпига не вместится в блюдо. Быстро нарежьте его, пока кожа не лопнула.

– Я тебя нарежу, дрянь, – поднимаясь на ноги, прорычал Корсус.

Он качнулся, одной рукой схватил карлу за шиворот, а другой за ухо, и сильно дернул. Шут заверещал, укусил Корсуса за большой палец, так что прокусил до кости, вырвался и удрал из зала под общий смех довольных гостей.

– Так глупость бежит от истины, которая в вине, – сказал Король. – Ночь только началась. Принесите мне приправу из икры кефали и красную икру. Пей, Принц! Густое, как мед, красное трамнианское вино призывает души к божественной мудрости. Властолюбие есть тщета. Оно погубило Гасларка, он зашел слишком далеко и выбрал неудачный момент, вот и пришел конец. Кончилось ничем. А ты что об этом думаешь, Гро, ведь ты философ?

– Увы, бедняга Гасларк, – сказал Гро. – Даже если бы его идея созрела, и он бы свергнул нас против всех ожиданий, он не стал бы ближе к своей цели, чем когда все это затеял. Ведь раньше в Заджэ Закуло у него была роскошная еда и питье, сад и сокровища, музыканты и красавица-жена, свобода и покой. Но, в конце концов, как бы мы ни выстраивали свой путь, нас ожидает мак, погружая в гавань забытья, этого не избежать. Сухие листья лавра или кипариса, и горстка пыли. Больше ничего не остается.

– Я с печалью говорю об этом, – сказал Король. – Мудр тот, кто сохраняет счастье, как Красный Фолиот, не искушая богов чрезмерным честолюбием, что ведет к низвержению.

Ла Фириз откинулся на троне, уронив сильные руки на подлокотники и свесив кисти, но высоко держа голову. С недоверчивой улыбкой он прислушивался к словам Короля Горайса.

Гро сказал на ухо Корунду:

– Странную доброжелательность нашел Король на дне чаши.

– Мне кажется, что мы выходим из моды, – ответил шепотом Корунд, – ибо еще не пьяны. Дело в том, что ты пьешь умеренно, что хорошо, а меня держит в трезвости аметист у пояса, не давая перепить.

Ла Фириз сказал:

– Ты волен шутить, Король. Со своей стороны, я предпочел бы иметь дыню на плечах, чем тупую голову, в которой не хватает честолюбия.

– Не будь ты нашим царственным гостем, – заметил Кориниус, – я бы назвал это речью маленького человека. Колдуния не терпит похвальбу, но может высказывать гордое снисхождение, как только что наш Король. Индюк ходит с важным видом и жадно жрет, а орел распоряжается миром по своему усмотрению.

– Жаль мне тебя, – воскликнул Принц, – если эта дешевая победа вскружила тебе голову. Гоблины!

Кориниус помрачнел. Корсус усмехнулся и сказал вроде бы самому себе, но так, что все услышали:

– Говоришь, гоблины? Будь это лишь гоблины, ничтожная дичь! Да, в этом все дело: будь это лишь гоблины.

Король нахмурился чернее тучи. Женщины задержали дыхание. Но Корсус, явно не почувствовав приближения грозы, принялся чашей отбивать ритм на столе и сонно затянул песню:

Если птицы в воду прынут,  
Рыбы примутся летать,  
Спелых устриц скоро станут  
С веток сада собирать,  
Загорятся воды в реках,  
Превратится пламя в лед... —

остановился он, громко икнув.

Разговор за столом стих, лорды Колдунии почувствовали себя неловко, пытаясь принять выражение лица, подобающее настроению Короля. Но тут заговорила Презмира, и как освежающий дождь, прозвучал ее голос:

– В песне милорда Корсуса, – сказала она, – я надеялась найти ответ на философский вопрос. Но, как видно, Бахус ненадолго увел его душу в Элизиум. Боюсь, что сегодня вечером ни правды, ни мудрости из его уст мы не услышим. А мой вопрос был таков: правда ли, что все земные твари имеют свои подобию в море? Милорд Кориниус, или ты, царственный брат мой, помогите мне разобраться.

– Принято считать, что так, миледи, – ответил Ла Фириз. – Если разобраться, есть много славных существ, таких как морские коньки, морские ежи, морские львы, морские коровы, морские коты... Я знаю, что варвары из Эсамосии едят давленных морских мышей в чесночном соусе.

– Фу! Скорей скажи что-нибудь другое, – воскликнула леди Срива. – А то я уже вообразила это блюдо. Пожалуйста, подай мне золотистый персик с изюмом как противоядие!

– Лорд Гро все объяснит тебе лучше, чем я, – ответил Ла Фириз. – Ибо, хотя я думаю, что философия – благородная наука, мне никогда не хватало досуга заняться ею. Я охотился на барсуков, но не могу сказать, правда ли, что у них одна пара ног короче другой. Я съел множество миног, но понятия не имею, девять у них глаз или два.

Презмира улыбнулась:

– О брат мой, мне кажется, что для тонких исследований ты вдохнул слишком много пыли сражений. Милорд Гро, бывают ли птицы под водой?

– Бывают, – ответил Гро. – Хотя это птицы с небес, на время опускающиеся в воду. Я сам находил их во Внешней Бесовии, спящих на дне озер и рек зимой. Они лежат там зимой, клюв к клюву, крыло к крылу, а весной просыпаются, и тогда леса наполняются их пением. В море же есть настоящие морские кукушки, морские дрозды, морские воробьи и многие другие.

– Странно, – заметила Зенамбрия.

Корсус опять запел:

Чародеи перестанут  
Колдовать и ворожить,  
Жабы толстые не станут  
Пауков и мух ловить...

Презмира повернулась к Корунду и произнесла:

– А ведь между вами был веселый спор о жабах и пауках, ты говорил, что они уничтожают друг друга, а милорд Гро обещал показать тебе обратное.

– Так и было, миледи, – сказал Корунд, – но мы еще не dospорили.

Снова раздался голос Корсуса:

Если дрозд забросит песни,  
Яд змеиный пропадет,  
Можно будет крикнуть честно:  
Старый мир к концу идет!

Кончив, старый лорд снова завалился на стол.

– Милорд Король, – воскликнула Презмира. – Прошу тебя, прикажи двум твоим советникам окончить спор, пока он не перешел в более горячие доводы. Повели немедленно дать им жабу и пауков, пусть проделают опыт на глазах у всех.

Все расхохотались, и Король кликнул раба. Тот быстро принес жирных пауков, числом семь, хрустальный сосуд и жабу, посадил всех в сосуд и поставил перед Королем. Собравшиеся с интересом стали наблюдать.

– Ставлю два бочонка светлого пермианского вина против пучка редьки, – заявил Корунд, – что победят пауки. Смотрите, как они влезают на голову жабе и ползают по всему ее телу.

– Ставлю редьку, – сказал Гро.

– Ты проиграешь, Корунд, – сказал Король. – Эта жаба не поддается паукам, а сидит тихо по хитрости своей, чтобы они почувствовали себя в безопасности, тогда она улучит момент и съест их.

В это время рабы подали фрукты: яблоки ранет, миндаль, гранаты и фисташки. Внесли новые чаши и кувшины вина, особое место занимал большой хрустальный графин с выдержанным напитком персикового цвета – вином из Кротринга, сделанным много лет назад в приморских виноградниках под замком лорда Брандока Даха.

Кориниус сделал большой глоток и воскликнул:

– Это вино из Кротринга – воистину королевский напиток! Говорят, этим летом он подешевет.

Ла Фириз окинул его беглым взглядом, и Король, заметив это, сказал на ухо Кориниусу:

– Будь благоразумен! Не зазнавайся. Ты уподобишься последнему рабу, если этот принц вынюхает наш секрет.

К этому времени стало совсем поздно, и женщины покинули зал, спустившись по парадной лестнице в сопровождении рабов с факелами. Как только они ушли, Корунд вскричал:

– Чума побери всех пауков! Твоя жаба одного проглотила.

– Еще двух! – сказал Гро. – Твоя теория рассыпается, о Корунд. Двое проглочены одним глотком, осталось четыре.

Лорд Кориниус, раскрасневшись от выпитого вина, высоко поднял чашу и, смотря прямо на принца, выкрикнул:

– Заметь, Ла Фириз, это знак и пророчество. Сначала один. Затем два одним глотком. А вскоре оставшиеся четыре. Не боишься оказаться пауком под главным ударом?

– Ты допился до потери рассудка, Кориниус! – сказал Король совсем тихо, но его голос дрожал от гнева.

– Он самый остроумный собутыльник, какого я встречал, – сказал Ла Фириз. – Но черт поймет, что он имеет в виду.

– А это, чтобы ты перестал ухмыляться и стал серьезным, – ответил Кориниус. – Я имею в виду наших давних врагов, полукровок из Демонланда. Первым глотком неизвестно где был схвачен Голдри, на которого Король наслал губительный ветер и...

– Будь ты проклят! – вскричал Король. – Что за пьяная чушь?

Но принц Ла Фириз покраснел, как рак, и воскликнул:

– Так вот что стоит за этими намеками! Вы собираетесь воевать с Демонландом? Не надейтесь на мою помощь.

– Без твоей помощи мы хуже спать не будем, – сказал Кориниус. – У нас рот достаточно велик, чтобы полакомиться тобой, как кусочком марципана, если будешь надоедать.

– Рот у тебя достаточно велик, чтобы выбалтывать секретные сведения, над чем мы сейчас дружно посмеемся, – сказал Ла Фириз. – Будь я твоим Королем, я бы приказал нарисовать тебе на шкуре усы омара, как пьянице и болтуну.

– Оскорбление! – завопил лорд Кориниус, вскакивая. – Я не потерплю оскорблений даже от богов! Дай мне меч, паж! Я украшу его потроха бештрианской резьбой.

– Успокойтесь, если хотите жить! – вскричал Король громким голосом, при этом Корунд подошел к Кориниусу, а Гро – к принцу, чтобы их усмирить. – Кориниус ранен в руку, он драться не может, наверное, горячка тоже от раны.

– Тогда излечи его от раны, полученной от гоблина, потом я его разрежу, как каплуна, – заявил принц.

– От гоблина, как же! – со злостью произнес Кориниус. – Знай, негодяй, что эту рану мне нанес лучший фехтовальщик в мире. Сам ты каплун. Если бы ты стоял тогда передо мной, я бы из тебя сделал три бифштекса.

Король встал во весь рост и возгласил:

– Замолчите, а то лишитесь жизни! – его глаза пылали гневом, и он продолжал: – Недоволен я. Ни твоя молодость, ни буйная кровь, ни вино, которым ты залил свое ненасытное брюхо, Кориниус, не смягчат строгости наказания. Я откладываю его на завтра. А ты, Ла Фириз, веди себя скромнее в моих покоях. Слишком дерзкое послание принес мне твой герольд сегодня утром, слишком похожее на обращение равного с равным. Ты назвал дань даром, хотя я сам по праву распоряжаюсь и твоей данью, и тобой, и твоими полномочиями, как нахожу нужным. Но я тебя терплю. Может быть, это не мудро, ибо твоя наглость за этим столом переходит границы, благодаря моему терпению. Ты переходишь к оскорблениям. Будь благоразумным, пока я не мечу в тебя молнии.

Принц Ла Фириз сказал в ответ:

– Побереги угрозы и нахмуренные брови для отдельных твоих наглых рабов, Король, ибо меня они не страшат, я смеюсь над ними. Мне нечего осторожничать, отвечая на твои обидные слова; ты хорошо знаешь о моих давних дружеских связях с твоим домом, и о любви моей к лорду Корунду, кому в жены я отдал сестру. Если я не могу себя заставить рабски превозносить твое превосходство, не стоит обижаться, ибо дань я тебе доставил с излишком. Но Демонланду я многим обязан, весь мир это знает, и ты скорее заставишь огни небес спуститься на землю и воевать за тебя с Демонландом, чем меня. Кориниусу же, который только похвастается, я скажу, что Демонланд слишком крепкий орешек для вас, колдунов. Голдри Блажко и Брандок Дах вам это доказали. Мой совет тебе, Король, живи в мире с Демонландом. Во-первых, потому

что у тебя нет причин для ссоры с ним, а во-вторых (и это должно убедить тебя), потому что, если ты будешь упорствовать в войне с ним, придет конец тебе и всей Колдунии.

Король в бешеной ярости кусал ногти, и на минуту в зале настала полная тишина. Потом лишь Корунд тихо обратился к Королю, сказав:

– Повелитель, ради всего святого, подави свой королевский гнев. Ты покараешь его, когда вернется мой сын Хакмон, а пока у него воинов больше, а твои одурманены вином. Поверь мне, если сейчас дойдет до драки, наши шансы я оценил бы дешевле разрубленной репы.

Неспокойно было на душе у Корунда еще и потому, что он хорошо знал, как трепетно его жена заботится о мире между Ла Фиризом и колдунами.

В этот несчастный миг Корсус, разбуженный громкими речами и движением, запел:

Дверь тюрьмы вдруг отворится,  
Станут пленных выпускать,  
Потому что не годится  
Без закона их держать!

Услышав это, Кориниус, в котором вино, споры и упреки Короля пробудили неуправляемую злобу и ярость, и все доводы благоразумия растаяли, как воск в печи, громко закричал:

– Вот увидишь наших пленных, принц, в старом зале для пиров, и поймешь, что ты осел!

– Каких пленных? – вскричал принц, вскакивая на ноги. – Силы ада! Я устал от темных намеков, и должен знать правду.

– Зачем так злиться? – произнес Король. – Он пьян. Хватит грубостей.

– Хватит делать из меня дурака, – ответил Ла Фириз. – Я все равно узнаю правду.

– Узнаешь, – сказал Кориниус. – Вот она: мы, колдуны. лучшие воины, чем ты и твои пикси с куриными мозгами, и лучшие бойцы, чем проклятые демоны, и нечего больше скрывать. Двоих из этого отродья мы схватили за пятки и подвесили на гвозди в старом зале для пиров, как фермеры вешают горностаев и хорьков, и будут они там висеть, пока не сдохнут, это Джасс и Брандок Дах.

– Подлая ложь! – вскричал Король. – Я тебя на куски порублю.

Но Кориниус сказал:

– Я забочусь о твоей чести, о Король. Нечего юлить перед каким-то пикси.

– Это ложь, – повторил Король. – И ты за это умрешь.

Настала мертвая тишина. Потом принц медленно сел. Лицо его побелело, но он сдержанно и спокойно обратился к Королю негромким голосом:

– О Король, прости, что я погорячился. Если я не так выразил свою верноподданность, пойми, что церемонность мне вообще не свойственна, но это не значит, что я не проявляю дружбы к тебе и сомневаюсь в твоём превосходстве. Я с радостью выполню все, что ты от меня потребуешь, если это не затронет моей чести, и докажу, что я тебе верен. Я обнажу меч против любого твоего врага, кроме Демонланда. Но сейчас шатается башня нашей дружбы и вот-вот развалится на куски. Тебе известно, Король, и все лорды Колдунии знают, что мои кости уже шесть лет белели бы в Средней Бесовии, если бы лорд Джасс не спас меня от бесов – варваров под предводительством Факс Фей Фаза, который четыре месяца осаждал меня при малом числе моих воинов в Лиде Нангуне. Будет тебе моя дружба, Король, если ты отдашь мне моих друзей.

Но Король ответил:

– Нет у меня твоих друзей.

– Тогда покажи мне малый зал для пиров, – потребовал принц.

Король сказал:

– Позже покажу.

– Я хочу видеть сейчас, – сказал принц и встал с места.

– Не буду больше скрывать, – сказал Король. – Я очень люблю тебя. Но просить отдать тебе Джасса и Брандока Даха – это все равно, что просить то, чего я не продам за весь Пиксиленд и всю твою кровь. Эти двое – мои злейшие враги. Ты не знаешь, какой ценой я, наконец, наложил на них руки. Оставь надежду, я клянусь тебе, что Джасс и Брандок Дах сгниют и сдохнут в моей тюрьме.

Ни вкрадчивыми речами, ни предложениями богатств и сотрудничества в войне и мире не смог Ла Фириз поколебать Короля. Король повторял:

– Обойдись без них, Ла Фириз, не расстраивай меня. Они должны сгнить.

Когда принц Ла Фириз понял, что не сможет поколебать упорство Короля словами, он схватил красивый хрустальный кубок, вырезанный в форме яйца с подставкой из трех золотых когтей, припаянной к золотому ободу с топазами, и швырнул его в Короля Горайса. Кубок попал ему прямо в лоб, нанес глубокую рану, хрусталь разлетелся вдребезги, и Король упал без чувств.

В зале поднялся страшный шум. Корунд не потерпел, чтобы кто-то оказался проворнее его, выхватил свой обоюдоострый меч, вспрыгнул на стол и крикнул:

– Присмотри за Королем, Гро! Пир обернулся горем!

Его сыновья, Галландус и прочие колдуны тоже схватились за оружие, а с другой стороны то же сделали Ла Фириз и его воины. Началась битва в большом зале в Карсэ. Кориниус мог держать оружие только левой рукой, но тоже бросился вперед, обзывая принца бранными словами. Под парами выпитого он, однако, не только обезумел, а и нетвердо держался на ногах, которые потеряли гибкость. Он поскользнулся в луже пролитого вина и упал навзничь, сильно ударившись головой о полированный стол. Корсус был настолько пьян, что утратил красноречие и способность двигаться. Он сначала лопотал, как ребенок, потом схватил кубок и, размахивая им, стал кричать:

– Питие для тела – лучшее лекарство! Пей, и никогда не умрешь!

Командир личной охраны принца Эларон из Пиксиленда удачным броском заткнул ему рот куском говядины, и он свалился поперек на Кориниуса, как боров, и остался лежать без движения. Несколько столов были перевернуты, обе стороны получали раны, но перевес оказался не на стороне колдунов. Пикси как воины были слабее, но оказались трезвее, чем их перепившиеся противники, которые сильно пошатывались и часто промахивались. Аметист Корунда не очень ему помог, потому что вино так закуפורило ему вены, что ему не хватало дыхания, и его меч бил слабее и медленнее, чем обычно.

Из любви к сестре своей Презмире и старинной дружественной связи с Колдунией Принц настраивал своих воинов не убивать без необходимости, только одержать верх, и следить, чтобы лорд Корунд не получил ранений. Когда стало ясно, что пикси побеждают, Ла Фириз приказал взять кувшины с вином и обильно полить Корунда и его воинов, держа их на острие мечей, так чтобы тем попало и снаружи, и внутрь. Положив их таким образом, пикси завалили двери зала скамьями, столешницами и тяжелыми дубовыми козлами от столов, Ла Фириз приказал Эларону сторожить двери и выставить часовых у окон, чтобы из зала никто не вышел.

А сам Принц взял шестерых воинов с факелами и пошел в старый зал для пиров. Там они одолели охрану, распахнули двери и перед ними оказались лорд Джасс и лорд Брандок Дах, прикованные к стене рядом друг с другом. Свет факелов их слегка ослепил, но лорд Брандок Дах сразу узнал Принца и приветствовал его почти обычным своим медлительным голосом с шутивными нотками, не охрипшим от голода и тревог:

– Ла Фириз! Наконец-то день настал. Я уже думал, что это опять те грязные хорьки, отребье Колдунии, пришли издеваться и насмехаться над нами.

Ла Фириз рассказал им, как пошли дела, и добавил:

– Тут подворачивается случай за случаем. Я освобожу вас, но с условием, что вы отправитесь со мной подальше от Карсэ, и сегодня ночью не вздумаете мстить колдунам.

Джасс сразу согласился, а Брандок Дах засмеялся и сказал:

– Принц, я так тебя люблю, что не могу ни в чем тебе отказать. Хочешь, я сбрею половину бороды и буду так ходить до сбора урожая, спать одетым, и по семь часов в день беседовать с собачкой твоей жены? Сегодня ночью мы в полном твоём распоряжении. Одно только просим: это угощение кажется слишком хорошим, чтобы не попробовать его после стольких часов рассматривания. Да и невежливо будет оставить его нетронутым.

С них сняли цепи, Брандок Дах съел большой кусок индюшатины и трех заливных куропаток, а Джасс – дюжину яиц ржанки и холодную тетерку. Лорд Брандок Дах заметил:

– Прошу тебя, Джасс, когда кончишь есть, разбей всю скорлупу, а то какой-нибудь колдун выколет или напишет на ней твоё имя, что может тебе навредить.

Он налил себе чашу вина, выпил, снова наполнил и произнес:

– Пусть мне пути не будет, если это не мое собственное вино из Кротринга! Кто видел более заботливого хозяина, чем Король Горайс?

Вторую чашу он выпил за лорда Джасса, сказав:

– В следующий раз я буду пить с тобой в Карсэ, когда Король Колдунии со своими лордами будет убит.

Потом они взяли свое оружие, оставленное рядом с едой, чтобы терзать их души безнадежностью обладания им снова, и пошли с Ла Фиризом прочь из зала для пиров на слегка затекших ногах, но с радостью в душе.

Выйдя во двор, Джасс заговорил:

– Даже если бы у нас с тобой не было условия, нас бы сдержала честь, Ла Фириз. Для нас было бы большим позором напасть на лордов Колдунии, когда они пьяны и не могут сразиться с нами на равных. Давай только обещем эту крепость в надежде найти моего родича Голдри Блажко, ибо лишь из-за него и в надежде найти его мы приплыли сюда.

– Если вы не тронете ничего, но только заберете Голдри, когда найдете, я согласен, – сказал Принц.

Они раздобыли ключи и обыскали всю крепость, даже комнату ужасов, где колдовал Король, и все чердаки и подвалы, и подземелья, и ходы под рекой, но ничего не нашли. Когда они стояли во дворе при свете факелов, на балкон вышла леди Презмира в ночном одеянии, потревоженная шумом обыска. Она казалась бесплотной, как облако в туманной ночи, и как на облако, на нее падал свет низко плывущей луны.

– Что здесь происходит? – спросила она. – Демоны свободно ходят по замку?

– Успокойся, милая сестра, – сказал принц. – Твой муж цел, и остальные рядом с ним тоже. У Короля разбита голова, о чем я скорблю, но он без сомнения, скоро исцелится. Сегодняшнюю ночь они все пролежат в пиршественном зале, ибо после пира их одолел такой сон, что они вряд ли доберутся до спален.

Презмира воскликнула:

– Страхи мои настигли меня. Ты порвал отношения с Колдунией?

– Я не могу судить заранее, – ответил он. – Скажи им завтра, что я ничего не совершал из ненависти, и сделал лишь то, к чему меня принудили обстоятельства. Ибо я не такой трус и не такой подлец, чтобы оставлять друзей в клетке, пока у меня есть сила освободить их.

– Немедля беги из Карсэ, – сказала Презмира. – Немедля. Мой пасынок Хакмон послан собирать войско, чтобы устроить тебя, если понадобится. Он должен уже возвращаться с юга с большим отрядом. У тебя свежие кони, и ты можешь намного обогнать воинов Короля, если они бросятся в погоню. Если не хочешь, чтобы пролились реки крови, беги.

– Тогда прощай, сестра. Не сомневайся в том, что ссора между мной и Колдунией скоро будет улажена и забыта.

Так говорил принц бодрым голосом, хотя в душе отлично понимал, что Король никогда его не простит ни за удар кубком, ни за то, что отнял добычу.

А она грустно сказала:

– Прощай, брат. Сердце говорит мне, что больше я тебя не увижу. Забрав этих двоих из тюрьмы, ты выкопал две мандрагоры, и будет печаль и смерть тебе, и мне, и всей Колдунии.

Принц замолчал, а лорд Джасс поклонился Презмире и сказал:

– Миледи, все это в ногах у судьбы. Но будь уверена, что пока мы живем и дышим, мы будем поддерживать твоего брата Принца. После сегодняшней ночи его враги – наши враги.

– Ты клянешься? – спросила она.

– Клянусь тебе и ему, – ответил он.

Леди Презмира в печали отправилась в свою спальню. Скоро она услышала стук копыт на мосту, и выглянув из окна, увидела, как они галопом удаляются по Дороге Королей в смутном желтом свете убывающей луны, восходящей над Пиксилендом. Она продолжала сидеть у окна всю ночь, еще долго после того, как ее брат, лорды Демонланда и воины ее брата исчезли из виду, долго после того, как эхо перестало повторять стук копыт по дороге. К утру новый стук копыт донесся с юга, и она услышала шумное приближение большого отряда и поняла, что это юный Хакмон возвращается из Пермио.

## **VIII. Первый поход в Бесовию**

*О возвращении демонов домой; как лорд Джасс узнал во сне, где он должен искать следы дорогого брата; как они держали совет в Кротринге и как решили отправиться в Бесовию*

Над морем плыла благоуханная звездная ночь середины лета, когда корабль, отвозивший демонов домой, подходил к концу своего пути. Плащи лорда Джасса и лорда Брандока Даха, которые спали на палубе, покрылись росой. Корабль тихо плыл в чарующей ночи, ветры спали, и ничего не было слышно, кроме шороха волн под кормой корабля, монотонной песни рулевого, скрипа весел в уключинах и плеска воды под веслами. Сапфировая Вега горела почти в зените, Арктур висел низко над горизонтом на северо-западе, указывая на Демонланд. Вдали на юго-востоке из моря поднимался Фомальгаут, одинокая яркая звезда в туманной россыпи Козерога и Рыб.

Гребцы гребли, пока не настал день и поднялся легкий свежий ветер. Джасс проснулся и встал, озирая искристую серую поверхность моря, простиравшуюся до той дали, где небо сливалось с водой. За кормой серые облака вставали, как ворота дня, клубясь под чистым небом, над ними плыл бледный месяц, похожий на цветок из оторвавшейся морской пены. На западе, как раз напротив рассветных облаков, на фоне неба поднимался четкий, словно хрустальный абрис гористого гребня Картадзы, первого островного бастиона многовершинного Демонланда. Рассвет бросал бледно-золотые и аметистовые лучи на вершины, а более низкие горы еще скрывались в плаще ночи. С низин поднимались туманы, таяли и возникали снова, их раздувал и рвал проснувшийся ветер. От тумана, залегшего в глубоких расселинах под пиком, ветер отрывал отдельные куски, которые на минуту свободно всплывали в небо, потом опускались и снова залегали под горами, окутывая их золотистым руном. Вот уже открылся весь западный берег Демонланда, протянувшийся более чем на пятьдесят миль от шхер Нортхауса, вдоль Каменной Гряды, вдоль низких холмов Кеставика и Байленда, за которыми высились горы Скарфа, а за ними зубчатые гребни Торнбека и дальние пики Невердейла над заросшими лесом берегами Онвардлайта и Нижнего Тиварандардейла, до крайнего южного мыса в туманной дали, где хребет Римон Армон окунает свой последний бастион в море.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.